

ISSN: 2782-1587

№ 3(7), 2021 (online)



ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ



50-летию российской девиантологии посвящается

ISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ. № 3 (7), 2021 (online)

Научный журнал

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель журнала – профессор Ю. А. Клейберг

Единственный в России специализированный журнал по девиантологии. Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN (URL: <http://kleyberg.ru/magazine>), включен в базу данных РИНЦ, имеет полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (<https://www.elibrary.ru/titles.asp>). Индексирование журнала в РИНЦ осуществляется в соответствии с Лицензионным договором от 13.04.2021 г. № 139-04/2021. Журнал расположен также на сайте www.kleyberg.ru

В журнале публикуются статьи по фундаментальным, прикладным и общественно значимым проблемам девиантологии, актуальные исследовательские психологические, философские, политологические культурологические, социологические, криминологические, медицинские, педагогические разработки, а также обзоры Конгрессов, конференций, рецензии монографий, учебников и учебных пособий и другие материалы.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях.

Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Статьи рецензируются. Рукописи не возвращаются.

Электронный адрес редакции: yury.kleyberg@yandex.ru

© Клейберг Ю. А., 2021

© Авторы статей, 2021





Главный редактор Ю. А. Клейберг,
академик РАЕН, доктор психологических
наук, доктор педагогических наук,
профессор (Россия).

Редакционная коллегия:

Козлов В.В., академик МАПН, президент МАПН, д-р психол. наук, проф. (Россия).

Котов-Дарти С.Ф., академик РАЕН, д-р юр. наук, д-р полит. наук, проф. (Республика Гана).

Сиротюк А.Л., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Россия).

Федотов С.Н., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Москва, Россия).

Научный Совет журнала:

Акопов Г.В., академик МАО, заслуженный деятель науки РФ, д-р психол. наук, проф. (Самара, Россия).

Арпентьева М.Р., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Калуга, Россия).

Баева И.А., академик РАО, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Гилинский Я.И., академик МАО, д-р юр. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Рахимбаев Е.Н., академик МАО, д-р юр. наук, проф. (Алмата, Республика Казахстан).

Руденский Е.В., академик МАО, д-р социол. наук, проф. (Новосибирск, Россия).

Суртаев В.Я., академик МАО, заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук, проф. (Ростов-на-Дону, Россия).

Тесленко А.Н., академик МАСР, МАО, д-р социол. наук, д-р пед. наук, проф. (Нур-Султан, Республика Казахстан).

Храмцова Ф.И., академик МАО, д-р полит. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь).

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Клейберг Ю. А., 2021

© Авторы статей, 2021





СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора.....	5
Клейберг Ю. А. Я.И. ГИЛИНСКИЙ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ДЕВИАНТОЛОГИИ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНОГО.....	5
Суртаев В. Я. ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.В. БОНДАРЕВСКОЙ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	23
Клейберг Ю. А. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС	34
Тесленко А. Н. МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МЕГАПОЛИСЕ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	46
Чедия К. О. ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ДИАЛЕКТИКЕ ДОБРА И ЗЛА.....	59
Сиротюк А. Л., Думиникэ Ю. С., Сиротюк А. С. АКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ.....	78
Приложения.....	87





СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и друзья!

Наступивший 2021 год ознаменовал себя многими, разнообразными по своей значимости и отношению к ним граждан социальными событиями в политической, экономической и социальной сферах. Перечислять их не буду, Вы о них прекрасно знаете. Однако мало, кто знает, что **2021 год – это год рождения российской девиантологии**. Так что **поздравляю всех девиантологов** (криминологов, социологов, психологов, педагогов, юристов, медиков) с **50-летним Юбилеем Российской Девиантологии!**

Много чего произошло за эти полвека и в советский период, и в постсоветский, российский период – хорошего и не очень. Но девиантология не стояла на месте, она динамично развивалась. Появились научные дочерние ответвления – «Психология девиантного поведения», «Политическая девиантология», «Креативная девиантология», «Ювенальная девиантология», «Криминальная ювенология» и др.

В своей статье «50 лет российской девиантологии» основатель и патриарх российской девиантологии, член Международной Ассоциации девиантологов, академик Международной академии образования, доктор юридических наук, профессор **Яков Ильич Гилинский** кратко, но аргументированно и ёмко (конечно, насколько это было возможным в статье) описал историю становления и развития девиантологии. Надеюсь, что в следующем номере будет опубликована вторая статья Я.И. Гилинского о современном этапе развития российской девиантологии.

Все номера научного журнала «Вопросы девиантологии» за 2021 год будут посвящены 50-летию российской девиантологии. Я приглашаю своих коллег-девиантологов, ученых, преподавателей вузов и колледжей, читающих дисциплины девиантологической направленности, пытливого студенчество, ориентированное на девиантологическую проблематику, активно подключиться к работе юбилейных выпусков журнала и опубликовать свои материалы.

Еще раз поздравляю всех девиантологов России с 50-летним Юбилеем нашей девиантологии и желаю здоровья, крепости духа, творческого вдохновения, счастья и радости! Очень рассчитываю на нашу дружбу и долгосрочное сотрудничество!

**С уважением –
Ю. А. Клейберг,
президент Международной Ассоциации девиантологов
и главный редактор научного журнала «Вопросы
девиантологии», профессор**





**Я. И. ГИЛИНСКИЙ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК
ДЕВИАНТОЛОГИИ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ УЧЕНОГО**

*Ю. А. Клейберг
(Тверь, Россия)*

Об авторе: *Клейберг Юрий Александрович*, академик РАН, Нью-Йоркской Академии Наук, Академии образования Великобритании и др. академий, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, основатель и президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международной Ассоциации девиантологов и Международной Академии ювенологии; ORCID iD: 0000-0001-6757-0102; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен дискурс-анализ ключевых идей научного наследия основоположника советско-российской девиантологии Я.И. Гилинского (насилие, тема девиантологии и криминологии (неокриминологии) постмодернизма, включенные/исключенные (inclusion/exclusion), творчество).

Ключевые слова: Я.И. Гилинский, девиантология, основоположник, научное наследие, дискурс-анализ.

Гилинский Яков Ильич – советский и российский ученый-правовед, криминолог, социолог, девиантолог. Основоположник и патриарх советско-российской девиантологии, доктор юридических наук, профессор. Академик





Международной академии образования, член Международной Ассоциации девиантологов и др. Автор более **650 публикаций**, из них более **150** – на английском, французском, немецком, венгерском, норвежском, итальянском, японском, украинском и др. языках.

Ровно 104 года тому назад (7 ноября 1917 года) Макс Вебер, выступая перед студентами Мюнхенского университета, объяснил им сущность науки и определил миссию ученого. «Учёный, - сказал он, - не должен быть бесстрастным, но его страсть должна быть целиком посвящена делу, которое человеку со стороны покажется довольно бессмысленным. Он должен быть готов жертвовать своим временем и усилиями ради крупиц нового знания ...» [1].

Приведенную цитату Макса Вебера можно с полным основанием отнести к Я.И. Гилинскому, его усилиям и потраченному времени, неудержимой страсти, направленной на институционализацию, развитие и популяризацию советско-российской девиантологии. Его вклад в отечественную и мировую девиантологию огромен, бесценен и достойно не оценен.

Теоретическое наследие Я.И. Гилинского многогранно и объемно. Стоит упомянуть лишь некоторые, хорошо известные его труды **по девиантологии** (Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. – СПб, 2017; Девиантность в обществе постмодерна. Монография. – СПб: Алетейя, 2017; Творчество как позитивная девиантность. – СПб: Алеф-Пресс, 2015; Девиантология. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2007; Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН); Девиантность, преступность, социальный контроль: Избранные статьи. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Глобализация, девиантность, социальный контроль: сборник статей. - СПб: ДЕАН, 2009 и др.), **социологии** (Социальное насилие. Монография. – СПб: Алетейя, 2017; Девиантность в обществе потребления. – СПб: Алеф-Пресс, 2012 и др.), **криминологии**





(Криминология постмодерна (неокриминология). Монография. – СПб: Алетейя, 2021; Очерки по криминологии. - СПб: Алеф-Пресс, 2015; Конструирование девиантности. – СПб: ДЕАН, 2011; Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб.: Питер, 2002. (Учебник для вузов); Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - 4-е изд., перераб. и доп. - СПб: Алеф-Пресс, 2018 и др.).

К сожалению, в одной статье невозможно даже перечислить все труды выдающегося ученого. Однако, даже этот скромный перечень трудов характеризует многогранность и талант Я.И. Гилинского как теоретика и исследователя-девиантолога, социолога и криминолога. Также в одной статье не представляется возможным освятить все многообразие научного наследия ученого, поэтому я ограничусь дискурс-анализом только теоретических идей в девиантологии и, насколько это будет возможным и уместным, дополнить их своим пониманием проблемы. Заранее прошу Якова Ильича простить меня за такую дерзость и вольность с моей стороны.

Ad hoc акцентирую, что изучение научного творчества Я.И. Гилинского предопределено востребованностью его огромного научного наследия, характеризующегося научной многогранностью, широтой исследуемых проблем, оригинальностью подходов и идей. Научные труды Якова Ильича имеют не только историческую и научную ценность; они важны и для современной девиантологии и гуманитарной науки в целом, направляя и стимулируя ее поиски в ряде ключевых направлений.

Исследование научного наследия Я.И. Гилинского позволяет, во-первых, определить его место в истории отечественной гуманитарной науки и вклад в ее развитие; во-вторых, акцентировать внимание на его новаторских идеях в области исследования методологии девиантологии, важных для решения задач, стоящих перед современной наукой и практикой; в-третьих, отследить





судьбу его научных идей и продуктивных наработок в трудах молодых исследователей-девиантологов.

Итак, ключевые идеи профессора Я.И. Гилинского в девиантологической науке (в скобках замечу, что Яков Ильич, вслед за Нильсом Бором следовал тезису «каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос»). Я постараюсь не нарушать эту традицию.

Во многих трудах ученого сквозной проходит **тема насилия**. Даже эпиграфы в отдельных трудах подобраны им не случайно («Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер». Н.Тинберген; «Человек отличается от животных именно тем, что он убийца». Э. Фромм; «История человечества – история зла на земле». В.Швебель; «Насилие встроено в систему». Д. Беккер; «Вся история человечества – одно сплошное преступление». А. Макаревич и др.).

Трудно не согласиться с мыслью Я.И. Гилинского, что насилие – в различных его проявлениях – неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия, и что оно носит системный характер, пронизывает все сферы жизнедеятельности общества. Безусловно, – и Яков Ильич не отрицает, – что тема насилия, при всей ее дискуссионности, многолика, она заслуживает лонгитюдного, серьезного и объемного исследования, и ждет пытливых молодых ученых-исследователей [7].

Ученый приводит несколько аргументов, «разводящих» и характеризующих агрессивность животного и человека, главные из которых, по моему мнению, являются следующие:

➤ «Вряд ли можно считать собственно агрессивным поведение хищника по отношению к жертве, поскольку с не меньшим основанием «агрессором» предстает заяц, поедающий капустные листья или морковь»;

➤ «Агрессия и убийство среди животных часто *инструментальны*: из-за пищи, из-за самки, при защите детенышей, при «самообороне» (т.е. «витально обусловлены, необходимы»), но никогда не превращаются в самоцель, не





бывают, как у людей, «просто так», «куражу ради», «по пьянке», «из хулиганских побуждений». Если волк вынужден есть зайца, а заяц – капусту, то человек уничтожает и тех и других «ради спортивного интереса» [7, с. 8].

Стало быть, насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, не только отсутствием «витальной необходимости», но и тем, что оно сопровождается *враждебностью* к объекту насилия (волк не испытывает враждебности к зайцу) и далеко не всегда носит инструментальный характер. *Агрессия* присуща всему живому, *насилие* же – только человеку, - заключает Я.И.Гишинский [7, с.9].

Как известно, в социальной природе отношения между людьми носят социальный характер (в широком понимании – социально-экономический, социально-культурный, социально-политический и др.). Наличие власти и обладание материальными ценностями – перманентный фактор порождения и источник насилия. Специфика насилия, по мнению Я.И. Гишинского, – «принуждение других к определенной деятельности (или бездействию) или силовое же сопротивление принуждению» [7, с. 21], и что «нормы, типы и частота агрессивных форм поведения задаются культурой» [7, с. 23].

Главным в генезисе насилия (вообще девиантности), как считает профессор Я.И. Гишинский, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп [7, с. 31]. И здесь, как говорится, не поспоришь, ведь важный доминирующий девиантогенный (и криминогенный тоже) фактор заключается не в уровне доходов и благосостояния граждан, а именно в *степени несоответствия* между богатыми и бедными, обеспеченными и не обеспеченными, малоимущими и нуждающимися.

Эти и другие факторы способствовали тому, что в современном обществе произошло, по метким выражениям Э. Гидденса, «испарение моральности» (Giddens, 1984) и В.В. Лунеева – «гуманизация преступности» (Лунеев, 2014).





Современная российская история, начиная с «легендарных» 1990-х годов, *создала* условия для огромного количества всевозможных рисков, препятствующих позитивной социокультурной и экономической динамике в обществе; *породила* неслыханную коррупцию, взяточничество, круговую поруку во всех эшелонах власти, такие виды преступлений, которых в недавнем историческом прошлом не было (похищение людей, терроризм и экстремизм, подростковая проституция, детско-подростковый суицид, насильственные преступления, жестокость и интолерантность и т.п.); *спровоцировала* такие социальные явления, как массовая безработица, обнищание народа, социальное сиротство, беспризорничество и попрошайничество, наркотизация и алкоголизация подрастающих поколений; *обнажила* критические точки общественного развития, способствующие появлению чрезвычайных социальных ситуаций – основательный демонтаж сложившейся уникальной ментальной системы целого народа; *обрекла* народ на массовую дезориентацию и утрату идентификации как на индивидуальном, так и на групповом уровне, на антагонизацию социальной структуры, маргинализацию и криминализацию общества, деградацию населения, разрушения личности, отторжение власти народом и депопуляции страны и др.; *усилила* процессы глобализации, вульгарной дифференциации людей (на «включенных»/«исключенных» (inclusion/exclusion)), приведшие к социальному расслоению общества, появлению исключенных групп населения («нищоброды», «человеческие отходы») и элиты, олигархата; *способствовала* появлению протестного поведения – митингов в регионах России, массовому недовольству народа в экономической, политической и социальной сферах и др. Все это и другое, безусловно, представляет серьезную угрозу не только отдельно взятой личности, но и обществу в целом и, наконец, – государственности.

Трагичным рефреном звучит тезис ученого о «принципиальной невозможности создать относительно благополучное общество, без массового





насилия, без страшного неравенства (социального, экономического, расового, этнического и т.п.), без «войны всех против всех» [10, с. 25]. Это одновременно и личная боль, и констатация факта ученого, и безысходность положения.

Другая тема, широко обсуждаемая в трудах Я.И. Гилинского, – **тема девиантологии и криминологии (неокриминологии) постмодернизма.**

Следует заметить, что постмодернизм провозглашает сосуществование различных теорий, методов и практик, диалог традиций и подходов как условие взаимообогащения и развития, не абсолютизируя при этом принцип «всеобщего равенства» [12]. Это, с одной стороны. А с другой стороны, постмодерн – общество рисков (У. Бек), опасное общество: «Постмодернизм производит опустошительное действие» (Бурдье, 1996). Все это, как отмечает Я.И.Гилинский (2015), относится к *нашему, современному* обществу, чьи характеристики (глобализация, неприемлемость изоляционизма, виртуализация, фрагментаризация, консьюмеризация, хаотичность – «постмодернистская чувствительность» и др.) плохо осознаются современниками и их правителями [5, с. 84–110].

Особый акцент Я.И. Гилинский делает на социально-экономическом неравенстве в эпоху постмодернизма. «В эпоху глобального постмодернистского мира социально-экономическое неравенство превышает допустимые пределы, превращаясь в тормоз, а то и регресс развития общества, <...>, вызывая недовольство, восстания, революции или же – застой» [4].

Освещение и анализ главных противоречий и главных проблем общества *постмодерна* – еще одна проблема, которая интересует Я.И.Гилинского. Из главных противоречий – это, **во-первых, Свобода технологическая и личностная** («Общество *Постмодерна* – в идеале (!) *потенциально Общество Свободных Людей*»). Однако у меня, да и у профессора Я.И. Гилинского, большие сомнения, что технологическая свобода будет способствовать развитию личностной свободы. Наоборот, мне представляется, что тотальная технологизация жизни и деятельности людей «подомнет по себя»





личностную свободу, саморазвитие, независимость, и свобода личности станет зависимой от технологизации и ее производных. Уже сегодня есть примеры такой тенденции (внедрение нано-биотехнологий, чипизация населения, роботизация, цифровизация, вестернизация западной культуры на национальную и др.). Я.И. Гилинский ссылается при этом и на «цифровой концлагерь» в Китае.

Но, как известно, безграничная свобода постепенно сменяется диктатурой властной элиты. *«Все животные равны, но некоторые равнее других»*, - писал Дж. Оруэлл в своей повести «Скотный двор». (в повести Элитные Свиньи начинают нарушать 7 заповедей, а, чтобы не быть обвиненными в попрании принципов анимализма, тайно их переписывают) ...

Второе архиважное противоречие и проблема общества постмодерна одновременно – это взаимодействие Государства и Человека («Государство VS Человека» – по Гилинскому).

В любой исторической эпохе государство всегда служило интересам, во-первых, власти, во-вторых, господствующей элиты и олигархам, в-третьих, ... а это уже неважно.

Как отмечает Я.И. Гилинский, государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т.п.), в действительности служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, хунты. Протестная реакция населения по отношению к вершителям власти хорошо известна во все времена и у всех народов. Восстания, мятежи, революции, баррикады, забастовки, голодовки, митинги, шествия и т.п. [3, с. 6-18] часто приводили к свержению ненавистного политического строя.

Не могу удержаться, чтобы не привести несколько штрихов, характеризующих даже не противоречивость, а, скорее, лживость власти,





«заботящейся» о своем народе (данные экс-директора НИИ статистики В.Симчеры).¹

Национальное богатство России. Официально: \$4,0 трлн. Фактически (по данным НИИ статистики Госкомстата России) – \$40 трлн. Занижение в 10 раз!

Размер интеллектуального капитала. Официально: \$1,5 трлн. Фактически – \$25 трлн. Занижение интеллектуального капитала России почти в 17 раз.

Доля инвестиций в % ВВП. Официально: 18,5%. Фактически – 12,2%. Завышение в полтора раза инвестиций в экономику создает картину ложного благополучия. На самом деле, в стране преобладает экономика по принципу «купил-продал-украл».

Темпы прироста ВВП. Официально: 6%. Фактически – 4%. «Надувая» в полтора раза темпы роста ВВП, власть пытается убедить общество, что его объявленное удвоение за 2003-2010 гг. могло бы состояться, если бы не мировой кризис. На самом же деле, за 2003-2008 гг. экономика выросла лишь на четверть, а в кризисном 2009-м мы оказались рекорсменами падения среди стран «Большой двадцатки».

Инфляция в среднем за год. Официально: 6-8%. Фактически – 18,27%. Давно известно, что рост цен на товары первой необходимости в России происходит гораздо быстрее, чем в среднем по всем товарам и услугам. Поэтому инфляция для бедных (социальная инфляция) гораздо выше, чем для богатых. И чем беднее семья, тем быстрее растут цены на товары, которые она покупает.

Разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных. Официально: 16 раз. Фактически – 28-36 раз. Это выше показателей не только

¹ Симчера Вас. Шокирующая правда об истинном положении дел в России // http://exp.idk.ru/news/russian_rinok/obnarodovana-shokiruyushhaya-pravda-ob-istinnom-polozhenii-del-v-rossii/368434/ (дата обращения: 20.06.2021).





Западной Европы и Японии, не только США, но и многих стран Латинской Америки. Предельно допустимый для национальной безопасности уровень, по данным директора Института социально-политических исследований РАН Г.Осипова, составляет 10 раз. В России он превышен втрое.

Разрыв в уровне валового внутреннего продукта по регионам. Официально: 14 раз. Фактически – 42 раза. В социальном плане Россия давно перестала быть единой страной. Если Москва живет на уровне Чехии, то Республика Тыва – на уровне Монголии. (Не удивительно, что Тыва давно занимает первое место в России по уровню убийств и других тяжких преступлений). Федеральная власть сбрасывает в регионы все больше и больше социальных обязательств и одновременно вытягивает из них все больше денег для того, чтобы вкладывать в иностранные ценные бумаги. За счет нищеты российской провинции фактически финансируются, в частности, войны в Афганистане, Ираке, а отчасти – и в Ливии. Статья 114 Конституции России требует, чтобы правительство проводило единую социальную политику на территории всей страны.

Доля населения, принадлежащего к социально деклассированным группам (в % к общей численности населения). Официально: 1,5%. Фактически – 45%. По данным НИИ статистики (Росстата), в стране 12 млн. алкоголиков, более 4,5 млн. наркоманов, свыше 1 млн. беспризорных детей. Не удивительно, что официальные данные занижены в 30 раз: почти половина деклассированных в богатейшей стране – свидетельство полного провала экономической и социальной политики власти.

Удельный вес убыточных предприятий. Официально: 8%. Фактически – 40%. По натуральным показателям современная экономика России безнадежно отстала от советской, а налоги на реальный сектор, в отличие от налогов на личные доходы миллиардеров, более чем огромны.





Уровень общего налогообложения полученных доходов, в %.

Официально: 45%. Фактически – 90%. Удивительно, как мы еще работаем, и почему олигархам все еще не хватает?

Уровень уклонения от уплаты налогов, в % от доходов.

Официально: 30%. Фактически – 80%. Власть делает вид, что собирает налоги, а граждане делают вид, что их платят.

Степень износа основных фондов, в %. Официально: 48,8%.

Фактически – 75,4%. Если Бог хочет наказать человека – отнимает разум. Похоже, с российской властью это уже произошло. Остатки отечественного производства будут добыты. Полным господином в стране станет транснациональный капитал. Впрочем, почему станет?

Доля иностранного капитала в экономике России, в %. В целом

официально: 20%. Фактически – 75%, в т.ч.:

– в имуществе. Официально: 25%. Фактически – 60%;

– в прибылях. Официально: 21%. Фактически – 70%;

– в акциях. Официально: 18%. Фактически – 90%.

Если данные НИИ статистики верны, в экономическом смысле мы превращаемся в колонию под громкие крики, что встаем с колен.

Реальные затраты на модернизацию, в млрд рублей. Официально: 750.

Фактически – 30. Реальные затраты на модернизацию в 25 раз ниже объявленных!

Эффективность модернизации, в % к затратам. Официально: 25%.

Фактически – 2,5%. Если помножить одно на другое, эффект оказывается приукрашенным примерно в 250 раз!

Уровень безработицы, в % к занятости. Официально: 2-3%.

Фактически – 10-12%.

Численность совершенных преступлений. По данным МВД России,

количество преступлений в России в 2020 году увеличилось на 1%, а по тяжким и особо тяжким деяниям – на 14%. Преступлений, совершенных в





интернете, выросло более чем на 90%, а с помощью мобильных телефонов – на 88,3%. Количество преступлений, совершенных только в Москве и Санкт-Петербурге в период с января по апрель 2021 года, возросло на 1,1% и 37,3% соответственно, в сравнении с аналогичными показателями прошлого года.²

Однако много важнее преступления, которые либо вообще не регистрируются, либо те, по которым люди не обращаются в правоохранительные органы. По оценкам группы ученых НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ под руководством профессора С. Иншакова, число таких преступлений почти в 10 раз больше, чем фиксирует официальная статистика – примерно 26 млн. в год.

Вот уж, воистину, ничто так не ухудшает жизнь граждан, как меры правительства по ее улучшению!

Третья проблема, о которой много написано Я.И. Гилинским – **включенные/исключенные (inclusion/exclusion)**. Главное наблюдение, которое сделал Я.И. Гилинский, исследуя эту проблему, заключается в том, что «все человечество разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (*included*) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (*excluded*) из нее» [3, с. 39].

И действительно, повторяюсь, социально-экономическое и политическое развитие, происходящее в современном российском обществе, *усилило* процессы глобализации, вульгарной дифференциации людей (на «включенных»/«исключенных»), приведшие к социальному расслоению общества, появлению исключенных групп населения («нищоброды», «человеческие отходы») и коррумпированной элиты, олигархата.

² <https://russian.rt.com/russia/news/823999-mvd-statistika-prestupleniya> (дата обращения: 20.06.2021);
<https://riafan.ru/1455683-analitiki-obyasnili-rost-prestupnosti-v-rf-za-yanvar-aprel-2021-goda> (дата обращения: 20.06.2021).





Так, например, Генпрокурор РФ Игорь Краснов оценил ущерб от коррупции для страны за 2020 год. Он назвал сумму по уголовным делам, которая за 9 месяцев 2020 года составила *45,4 миллиарда рублей*. По его словам, такие преступления сложно выявлять, потому что они, зачастую, выгодны всем участникам процесса. Для сравнения, по итогам 2019 года – в размере около *55,1 миллиарда рублей*, - отметил И. Краснов.

И. Краснов добавил также, что в *гражданском и арбитражном судопроизводстве* на октябрь 2020 года прокуроры предъявили иски общей суммой *более 6,6 миллиарда рублей*. В 2019 году за аналогичный период, по его словам, были предъявлены иски на *2,8 миллиарда рублей*.³

При этом, по данным Росстата, число живущих за чертой бедности выросло на 400 тыс. человек и составляет *19,6 млн. россиян*. Реальные располагаемые денежные доходы россиян по итогам COVID-кризиса 2020 года сократились на *3,5%* в годовом выражении. Теперь они отстают более чем на *10%* от уровня 2013 года. *50,8%* россиян имеют доход менее 27 тысяч рублей в месяц. Доход в размере менее 7 тыс. руб. в месяц имели *4,1%* россиян, в размере 7-10 тыс. руб. – *6,1%*, 10-14 тыс. руб. – *10,1%*, 14-19 тыс. руб. – *13,1%*, 19-27 тыс. руб. – *17,9%*, 27-45 тыс. руб. – *24,6%*, 45-60 тыс. руб. – *10,1%*, 60-75 тыс. руб. – *5,5%*, 75-100 тыс. руб. – *4%*, свыше 100 тыс. руб. – *4%*. Таким образом, *50,8%* россиян имели доход менее 27 тыс. руб. в месяц.⁴

И таких примеров, к сожалению, можно привести десятки тысяч! Тысячу раз прав наш классик, сказав, что «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют» (М.Е.Салтыков-Щедрин).

³URL:https://news.rambler.ru/politics/45390436/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.12.2020); РБК: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 20.06.2021).

⁴ РОССТАТ // <https://www.vesti.ru/finance/article/2522006> (дата обращения: 20.06.2021).





Однако, как предупреждает Я.И. Гилинский, «Исключенные» vs «включенные» – еще одно взрывоопасное противоречие и проблема общества постмодерна [3, с. 40], которую власть не разрешила, не пытается разрешить и вряд ли когда-либо разрешит. Вот тут в скором времени не на шутку могут разгореться серьезные социально-политические страсти. Эта ситуация может быть катастрофической с серьезными последствиями. Народ обозлен на олигархов, на так называемую «элитную прослойку», в руках которых сосредоточены все богатства страны, а народ нищает и бедствует... «Не буди лихо пока оно тихо» – гласит русская пословица.

Четвертая проблема, вызывающая социологический научный интерес у Я.И. Гилинского, – это **проблема творчества**. Людей во все времена интересовали загадки творчества, поскольку в этом виде человеческой деятельности (творчестве – интеллектуальном, техническом, литературном, музыкальном, самодеятельном и др.) всегда присутствовал элемент необычности, оригинальности и новизны. Кого-то эта новизна восхищала и захватывала, но многих – пугала, и люди ко всему непонятному относились скептически и подозрением, а, порой, и враждебно.

Однако новое, по утверждению Я.И. Гилинского, всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. При этом, чем значительное новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит («гениальность и безумие») [6, с. 10; 8, с. 469; 9; 11].

Яков Ильич с сожалением отмечает, что социология творчества (в отличие от психологии творчества) пока не сформировалась, и тому есть объективные причины, главным образом идеологического плана.

Хотя, только сейчас почему-то стало очевидным, что для динамического развития социальной системы (общества), «для обеспечения динамического равновесия системы, необходимы девиации», в которой социальное творчество (позитивная сторона девиантного поведения) является





«механизмом общественного развития», то есть такая деятельность, которая «не ограничивается воспроизведением известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто *новое, оригинальное, качественно новые материальные и духовные ценности*». «На противоположном полюсе девиантного поведения находится его «дурная» сторона» – негативные девиации (преступность, пьянство, наркотизм, коррупция и т.п.) как неизбежное *alter ego* социального творчества [6, с. 13, 17].

В своей монографии «Креативная девиантология» (2016), мною была осторожно высказана мысль о том, что *вся наша жизнь во всем ее многообразии и мозаичности имеет девиантологическую основу*. Изучив множество опубликованных трудов ученых различных научных направлений, и особенно Я.И. Гилинского, и, основываясь на собственный исследовательский психолого-девиантологический опыт, я с уверенностью могу сказать, что так оно и есть. Мы просто об этом никогда не задумываемся. Стоит только внимательно присмотреться к действительности, к «реалиям жизни» («реальность является девиантной» – по Н. Луману), и мы непременно обнаружим взаимосвязь и даже взаимозависимость творчества и девиантности.⁵ На это указывает и Я.И. Гилинский «Эмпирические социологические исследования последних лет свидетельствуют о вполне определенных и относительно устойчивых взаимосвязях между различными проявлениями негативной девиантности и социальным творчеством» [6, с. 23].

Парадоксально, но девиантное поведение и творчество, творческая активность могут иметь сходные черты [2; 8; 9; 11]. Отличие заключается в том, что для подлинного творчества удовольствие составляет сам *процесс поиска*, в то время как для девиантной активности основной целью является *результат* – получение удовольствия, находящийся, как правило, в зоне социального и психологического риска.

⁵ Клейберг Ю. А. Креативная девиантология: монография. – Москва: Изд-во Московского государственного областного университета, 2016. – 160 с. – С. 10.





Итак, заключая, вслед за Я.И. Гилинским отмечу, что девиантность создается не обществом как таковым (по утверждению Г. Беккера), но, безусловно, в обществе, а конструируется властью (режимом), где и культивируется, приобретая специфические черты и оттенки. Люди же, живущие в таком обществе, строят (или не строят) свое поведение в соответствии с предписаниями этого общества (юридическими и/или моральными).

Литература

1. Вебер Макс. Избранные произведения / Перевод: А.Ф.Филиппов, П.П.Гайдено. - Москва: Прогресс, 1990. С.707-735.
2. Гилинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна // Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография / Под ред. Ю.А. Клейберга – 2-е изд. – London: Publishing house «UK Academy of Education», 2021. С.35–61.
3. Гилинский Я. И. Человеческое, слишком человеческое. – СПб: Алетейя, 2020.
4. Гилинский Я. Движение ядовской мысли к постмодернистскому восприятию мира // Ядовские чтения: перспективы социологии: Сборник научных докладов конференции. СПб., 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О.Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. - СПб.: Эйдос, 2016. - 459 с.
5. Гилинский Я. Очерки по криминологии. - СПб: Алеф- Пресс, 2015.
6. Гилинский Я.И. Позитивные девиации // Творчество как позитивная девиантность. Коллективная монография / Под общ. ред. проф. Я.И. Гилинского и проф. Н.А. Исаева. – СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 279 с. – С. 9-40.
7. Гилинский Я.И. Социальное насилие: Монография. – СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. – 185 с.





8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. – 4-е изд. – СПб, 2021.
9. Гилинский Я.И. Художественное и научное творчество как девиантность // Общество и право. 2012. № 1(3).
10. Гилинский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. № 2-3. С. 197-212.
11. Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение? // СоцИС. 1990. № 2.
12. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior. London, SAGE Publication, 1990.

Y. I. GILINSKY AS THE FOUNDER OF DEVIANTOLOGY: DISCOURSE ANALYSIS OF THE THEORETICAL HERITAGE OF THE SCIENTIST

Prof. Yu. A. Kleyberg

About the author: *Yury A. Kleyberg*, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, New York Academy of Sciences, UK Academy of Education and other academies, Dr of psychological sciences, Dr of pedagogical sciences, professor, Founder and President of the Academy of National Education and Science, the International Association of Deviantologists and the International Academy of Juvenology (Tver, Russia); ORCID iD: 0000-0001-6757-0102; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Annotation. The article presents a discourse analysis of the key ideas of the scientific heritage of the founder of Soviet-Russian deviantology Ya. I. Gilinsky





(violence, the topic of deviantology and criminology (neocriminology) of postmodernism, inclusion / exclusion, creativity).

Key words: Ya. I. Gilinsky, deviantology, founder, scientific heritage, discourse analysis.



**ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.В. БОНДАРЕВСКОЙ КАК РЕСУРС
МОДЕРНИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ**

В. Я. Суртаев

(Ростов-на-Дону, Россия)

Об авторе: *Суртаев Василий Яковлевич*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры образования и педагогических наук Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», заслуженный деятель науки Российской Федерации; e-mail: sokrat0507@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются два социально-педагогических проекта Е.В. Бондаревской, осуществленных ею в период с 1995 по 2015 гг.





Они были связаны с формированием оптимального культурно-образовательного пространства в малом городе и с модернизацией педагогического образования в федеральном университете. Особое внимание уделяется анализу ресурсов повышения качества педагогического образования, а также анализу концепции элитного университетского педагогического образования.

Ключевые слова: Е.В. Бондаревская, кризис российского образования, новые образовательные парадигмы, культурно-образовательное пространство малого города, модернизация педагогического образования в федеральном университете, качество педагогического образования, элитное образование.

Кризис российского образования конца 80-х-90-х гг. XX века, по мнению многих педагогов-исследователей, носил поистине тектонический, затяжной и разрушительный характер. Его признаками стали: резкая смена идеологических концептов образования, равнодушие государства к проблемам образования и воспитания, падение престижа педагогической профессии в обществе, снижение качества образования, недостаточная практико-ориентированная направленность образовательных программ, снижение уровня и масштабов инновационной деятельности в школах и вузах.

В этой кризисной ситуации значительная часть педагогического сообщества не оставалась равнодушной и безучастной. Это относилось и к подвижнической, новаторской деятельности академика РАО Е.В.Бондаревской (1931-2017 гг.), много лет возглавлявшей кафедру педагогики в РГПУ, а затем – в ЮФУ. Ее активная гражданская и научная позиция по отношению к кризису в сфере российского образования и выходу из него неоднократно звучали в ее научных публикациях, в выступлениях на научных конференциях. Она активно включается в проектно-исследовательскую деятельность, в которой не только анализирует сложившиеся позитивные и негативные тенденции в сфере образования, но и





моделирует оптимальные условия организации образования и культурно-образовательной среды, включая в них инновационные элементы.

Один из исследовательских проектов Е.В. Бондаревской этого периода был связан с образовательным пространством малого города как среды развития и воспитания школьников [1]. Целью этого проекта стало создание концептуальной модели развития системы образования в г. Батайске Ростовской области. Исследовательская группа под руководством Е.В.Бондаревской тщательно проанализировала исторические и социокультурные предпосылки развития сложившегося культурно-образовательного пространства Батайска. В период проведения исследования (1996-1997 гг.) в городе было семь средних общеобразовательных школ, СПТУ, лицей радиотехники, железнодорожный техникум, две вечерние школы, две начальные школы, семь учреждений дополнительного образования, шестнадцать детских садов, широкая сеть учреждений культуры.

С учетом сложившегося образовательного и социокультурного потенциала Батайска, исследовательская группа под руководством Е.В.Бондаревской определила оптимальные условия развития системы образования этого города, сформулировала основные векторы культурно-образовательной политики в городе, определила условия формирования культуросообразной среды жизнедеятельности детей, обосновала необходимость перехода образовательных учреждений города к личностно-ориентированному типу образовательной деятельности.

Стремясь усилить практико-ориентированную направленность проекта, его авторы тщательно смоделировали четыре образовательных комплекса (по одному на каждый микрорайон города): 1). «Гуманитарная культура и гражданское воспитание» (для школ № 4 и № 6); 2). «Культура жизненного самоопределения» (для школы № 21 и для школы искусств); 3). «Социальное воспитание и жизнестроительство» (для школ № 3 и № 9); 4). «Социальная защита и экология детства» (для школ № 2 и № 5). Такое моделирование комплексов





строилось на основе сложившегося в городе культурно-образовательного пространства и на основе социально-педагогической целесообразности. Каждый предложенный ими комплекс имел целевые установки, социально-педагогический и организационный инструментарий для достижения поставленных целей.

Другой исследовательский проект Е.В. Бондаревской был связан с формированием концепции модернизации педагогического образования в федеральном университете [2]. Хронологически этот проект осуществлялся в период с 1995 по 2015 гг. Актуализируя социальную значимость этого проекта, Е.В. Бондаревская пишет: «Педагогическое образование относится к таким социокультурным феноменам, которые определяющим образом влияют на развитие всех сторон жизнедеятельности общества, региона, страны. Это влияние осуществляется через педагогов, качественное образование и профессиональная подготовка которых являются главной целью и предметом деятельности педагогических вузов и университетов. От педагогов зависит, какими людьми будет заселена Россия сегодня и завтра, как они будут жить и работать, что любить и ценить. Всеобщее влияние педагогического образования через выпускников школ и вузов на все сферы общественной, производственной, культурной жизни дает основание рассматривать его как метаобразование, т.е. такую систему деятельности, которая имеет значимые последствия для преобразования и развития всех других систем и деятельностей и тем самым выполняет прогресс образующую (опережающую) функцию в развитии человека, общества, региона, страны и всей мировой цивилизации» [2, с. 21].

Анализируя трансформации высшего педагогического образования в современной России, она справедливо замечает, что многие пединституты в свое время получили статус университетов, или были интегрированы в образовательное пространство классических и федеральных университетов, но при этом их цели и содержание деятельности по подготовке педагогических





кадров остались традиционно неизменными. «Став университетами, - пишет она, - педвузы не переориентировались на миссию университетов как центров развития культуры, образования, науки, высоких технологий, инновационной деятельности в регионе» [2, с. 23].

В центр своего масштабного метапроекта Е.В. Бондаревская поставила изменение качества педагогического образования, понимаемого ею как свойство образования изменять человека, а через него – общество и государство. Носителем, проводником нового качества образования должна быть личность педагога новой формации.

Проект состоит из двух основных частей. В его первой проектно-методологической части «Модернизация педагогического образования – фактор всеобщего развития» Е.В. Бондаревская исходит из того, что проектирование личности педагога новой формации возможно только в единстве четырех основных взаимосвязанных компонентов: 1) ценностно-смыслового: гражданин, патриот, имеющий ценностное отношение к детям и миру, считающий деятельность их обучения и воспитания высшим смыслом жизни; 2) культурологического: человек культуры, хранитель и создатель культурных образцов жизни, деятельности, общения; 3) профессионально-деятельностного: компетентный профессионал, способный к инновационной деятельности, профессиональному самосовершенствованию и конструктивному самоизменению; 4) этического: нравственный человек, живущий по совести и утверждающий этику взаимоотношений в детской и взрослой среде [2, с. 26].

В проектно-методологической части Е.В. Бондаревская тщательно обосновывает необходимость перехода педагогического образования на новые образовательные парадигмы: от информационно-знаниевой, предметно ориентированной модели педагогического образования к парадигме смысло-деятельностной, практико-ориентированной. По существу, основная концептуальная идея этого проекта состояла в подготовке педагога-деятеля,





способного к инновационному преобразованию мира детства, формированию у воспитанников субъектности во всех социально значимых видах деятельности, неразрывно связанных со смыслами. Педагогическое образование, по мнению Е.В. Бондаревской, должно стать не только пространством разнообразной творческой деятельности (педагогической, социокультурной, исследовательской, экологической, здоровьесберегающей, художественной и др.), но и «территорией смыслов», то есть пространством, где будущий педагог-профессионал встречается с идеалами, ценностями, своим призванием, получает возможность его реализации в конкретной сфере деятельности.

Логическим завершением первой части этого инновационного метапроекта стало определение его главных целей. К этим целям автор проекта отнесла следующие: 1) реализовать прогресс образующую (опережающую) функцию педагогического образования; 2) обновить цели педагогического образования; 3) осуществить переход к новой образовательной парадигме; 4) изменить представление о сущности и назначении педагогического образования в современном мире; 5) осуществить включенность педагогического образования в реальную педагогическую практику; 6) реинтегрировать гуманитарную культурно-воспитательную среду университета; 7) превратить педагогическое образование в систему строительства будущего на основе реализации нового типа образования – открытого опережающего студентоцентрированного педагогического образования университетского типа.

Вторая часть этого метапроекта носит проектно-стратегическую направленность и называется «Стратегические направления практической деятельности по модернизации университетского педагогического образования». Определить эти стратегические направления без детального анализа онтологической картины сложившегося и действующего педагогического образования, по мнению Е.В. Бондаревской, невозможно.





Она стремится понять какое место сложившееся педагогическое образование занимает в общей системе образовательной деятельности университета, какие модернизационные процессы в нем происходят, какова роль Болонских соглашений в преодолении его кризисного состояния, почему разрушились и крайне медленно восстанавливаются связи университетского и школьного образования, как внедряются новые образовательные стандарты, как чувствуют себя в новых условиях преподаватели и студенты, какие смыслы они придают педагогическому образованию в современном мире и др.

В этой же части проекта Е.В. Бондаревская проанализировала сложившуюся модель российского педагогического образования, построенную преимущественно на адаптационных механизмах, зачастую блокирующих у студентов инновационные способности. Не в лучшем состоянии, по ее мнению, находится и содержание педагогического образования, которое лишено фундаментальности, оно носит эклектический характер, не обладает свойством проблемности, отличается дидактизмом и рецептурностью. Негативное влияние на качество педагогического образования, по ее мнению, оказало разрушение системных связей педагогических факультетов и вузов со школой, оказавшее серьезные последствия.

Проектируя инновационное пространство педагогического образования, Е.В. Бондаревская исходила из стремления приблизить отечественное образование к мировым университетским образовательным стандартам. Она тщательно обосновывает особенности педагогического образования университетского типа, которое, по ее мнению, должно отвечать следующим требованиям:

- соответствовать миссии, ценностям и культурным смыслам университетского образования;
- обеспечивать подготовку новой генерации педагогов, обладающих высокой образованностью, духовно-нравственной культурой, активной





гражданской позицией, способных понимать и принимать вызовы времени и адекватно отвечать на них своей инновационной профессиональной деятельностью;

- иметь открытую, опережающую, студентоцентрированную направленность;

- сочетать в себе фундаментальность и практическую педагогическую направленность, универсальность и уникальность, стандартизацию и индивидуализацию, европейскую интеграцию и национальное своеобразие.

Особое место во второй части метапроекта Е.В. Бондаревской занимает подробное описание инновационной модели пространства педагогического образования ЮФУ, которая включает в себя три основных модуля: методологический, инновационно-преобразовательный и управленческий. Каждый из этих модулей имеет конкретно-смысловое наполнение, а второй и третий модули содержат инструментальные средства достижения поставленных задач.

В этой же части проекта Е.В. Бондаревская создает опытно-экспериментальную структуру (модель) опережающего педагогического образования, формирует смысло-деятельностную модель личности педагога новой формации, определяет систему показателей качества педагога новой формации как человека и профессионала. Главным компонентом этой системы показателей, по ее мнению, является ценностно-смысловое ядро сознания педагога (что ценит?). Это ядро тесно взаимосвязано со сферой его деятельности, с творчеством, с инновациями (что создает?), с личностной сферой (как совершенствует себя?), с нравственно-этической сферой (какие поступки совершает?), с когнитивной сферой (какими знаниями владеет?), с позициями и принципами жизни, с коммуникативной сферой (с кем и как общается?).

Одним из достоинств этого проекта Е.В. Бондаревской стало глубокое обоснование целесообразности внедрения в российских университетах





высококачественного (элитного) педагогического образования. При этом она делает важную оговорку об отличии элитарного образования от элитного: элитарное образование характеризуется особо комфортными условиями обучения, а элитное – это высококачественное образование, воспроизводящее элиту, то есть наиболее образованный слой общества. В отличие от традиционного элитное педагогическое образование, по ее мнению, должно ориентироваться на подготовку педагога универсально образованного, воспитанного в традициях определенной научной школы, творческого, обладающего выраженной индивидуальностью, способного к инновационной деятельности, умеющего работать с детьми и студентами, изменять, улучшать бытие людей, готового к непрерывному самообучению, личному и профессиональному саморазвитию. Осуществляться элитное образование должно, по мнению Е.В. Бондаревской, путем реализации индивидуальных образовательных программ и траекторий, в жизнетворческой образовательной среде на основе субъектного подхода к студентам.

Проект элитного университетского педагогического образования определяет следующие основные условия его реализации:

- индивидуальная коррекция цели профессионально-личностной подготовки педагогов новой формации с учетом личностного потенциала студентов;
- использование в качестве методологической основы элитного образования смысло-деятельностной парадигмы образования;
- изменение типа образования (содержания, технологий, характера образовательной деятельности), придания всем его компонентам опережающей направленности;
- обеспечение целостности образовательного процесса, придание ему смысложизненной направленности;
- поэтапная организация образовательного процесса, обеспечивающая саморазвитие студентов, возможность реализации индивидуальных





образовательных маршрутов и построение жизненного плана в профессии «педагог»;

- изменение бытия студентов, включение их в проектирование и создание культурной среды собственной жизни, обогащение ее профессионально-значимыми событиями, исследовательскими, социокультурными, гуманитарными, педагогическими практиками;

- оценивание результатов образования и профессиональной подготовки студентов по критерию «качество человека и профессионала» [2, с. 86].

Проектно-исследовательская деятельность Е.В. Бондаревской и ее позитивные результаты стали платформой реформирования образования и образовательных технологий в Южном федеральном университете. В основу этого реформирования были положены ее взгляды на опережающую роль образовательных инноваций, на системную модернизацию педагогического образования, на реинтеграцию гуманитарной культурно-образовательной среды университетов.

Литература

1. Образовательное пространство малого города как среда развития и воспитания личности: концептуальная модель развития системы образования в г. Батайске / Бондаревская Е.В., Богомолова Г.П., Еранасян В.П., Пивненко П.В.; Росс. акад. образования, Южное отделение, Отдел образования г. Батайска Ростовской области. – Ростов-на-Дону, 1997. – 96 с.

2. Бондаревская Е.В. Концепция и опережающая стратегия системной модернизации педагогического образования в федеральном университете. Образовательный метапроект: монография / Е.В.Бондаревская; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. – 216 с.





**PROJECT-ORIENTED RESEARCH BY E.V. BONDAREVSKAYA AS
RESOURCE OF MODERNIZATION IN EDUCATIONAL
METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Prof. Vasily Ya. Surtaev

About the author: *Vasily Surtaev*, Dr of pedagogical sciences, professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation; e-mail: sokrat0507@mail.ru

Abstract. The article represents the analysis of two social-pedagogical projects by E.V. Bondarevskaya implemented between 1995 and 2015 which were connected with the development of effective cultural-educational space in a small city and modernization of pedagogical education in a federal university. The author also analyses the concept of top-quality pedagogical education.

Key words: E.V. Bondarevskaya, Russian educational crisis, new educational paradigms, cultural-educational space of a small city, modernization of pedagogical education in a federal university, quality of pedagogical education.





ОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

Ю. А. Клейберг

(Тверь, Россия)

Об авторе: *Клейберг Юрий Александрович*, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, основатель и президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международной Ассоциации девиантологов и Международной Академии ювенологии; ORCID iD: 0000-0001-6757-0102; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается, что подростковому и юношескому возрасту свойственно стремление к новому, необычному, рискованному. При этом социальная инициатива рассматривается ими как форма добровольной деятельности в интересах и на благо личности, общества и государства, направленная на конструирование новой социальной реальности. Автор указывает на особое место подростково-молодежных общественных организаций и объединений в добровольческой деятельности, являющиеся наиболее стабильной и структурированной частью движения, представляя собой особый социально-психолого-педагогический конструкт и институт воспитания.





Ключевые слова: добровольческая деятельность, добровольчество, волонтерство, конструкт, феноменология, дефиниция, актуализация, современный дискурс.

Сразу замечу, что в русской традиции, базирующейся на идеях альтруизма, религиозных ценностях христианства («Люби своего ближнего, как самого себя» (Мф. 22, 39), «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1), антропологических, этических, эстетических, социальных и др.), а также социалистических идеях и либеральных ценностях свободы деятельности индивида, использовалось понятие **«добровольчество»**, которое отражало безвозмездную помощь нуждающимся людям, действительно любовь и сострадание ближнему, имеющие конкретную нравственную ценность и смысл – добровольчество становилось добродетельной деятельностью. Анализируя сущность христианской любви, Г.В.Ф. Гегель отмечал: «Любить – значит быть тем, что вне меня; я имею свое самосознание не во мне, а в другом, но это такое другое, в котором я только и удовлетворяюсь, в котором я обретаю мир с самим собой: я есмь лишь постольку, поскольку во мне мир».⁶ Что же касается западной социальной науки, то там используется термин **«волонтерство»** (Volunteerism), который применяется для обозначения феномена, активно проявившегося в обществе в эпоху индустриализации и постмодерна.

Примечательно, что понятие волонтер в Большой Советской Энциклопедии трактуется как лицо, добровольно поступившее на военную службу. Понятия добровольца или добровольчества и вовсе отсутствует.

Однако, в единственном Словаре девиантолога Ю.А.Клейберга (2021) дается авторское определение **добровольческой деятельности**, как виду *социально одобряемой деятельности индивида (социальной группы) с*

⁶ Гегель Г.-В.-Ф. Философия религии: В 2 т. - Т. 2. - М., 1977. С. 230.





гуманитарной жизненной позицией, носящей осознанный и добровольный характер, целью которой является бескорыстная помощь нуждающимся людям [5, с. 43].

Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (№135-ФЗ от 11.08.1995 г.) так трактует понятие «добровольцы»: это «граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации».⁷

Тем не менее, в последние два десятилетия к добровольческой деятельности (волонтерству) обращен достаточно широкий интерес специалистов различных сфер деятельности: историков, психологов, юристов, социологов, педагогов и др.

По числу имеющихся публикаций и диссертационных исследований в российской науке наиболее широко проблематика добровольчества (волонтерства) представлена в психологии и педагогике.

Российские психологи О. Фетисова, Е. Буглак и О. Кликунова дают свое понимание конструкта «добровольчество», который трактуется ими, как добровольный выбор, отражающий личные взгляды и позиции, это активное участие гражданина в жизни человеческого сообщества [11, с. 41].

Психологические исследования добровольческой деятельности (добровольчества) связаны с идентификацией личностных черт, которые отличают добровольцев от не добровольцев. Психологи, прежде всего, обращают внимание на индивидуальные различия в их психологических характеристиках, а также выявление внутренней и внешней мотивации. В рамках психологических наук изучаются мотивы, цели и задачи деятельности добровольца, субъективные представления о ее результатах.

⁷ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ [Текст] // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://rg.ru/2010/12/27/blagotvdok.html>





В педагогике же добровольчество рассматривается как один из ключевых элементов воспитательного процесса подрастающего поколения; механизма социализации, неотъемлемой составляющей сферы воспитания и образования, где формируются основные качества личности.

Автору данной статьи близка точка зрения И.А. Левдер (2006) о добровольчестве, как деятельности, столь же выгодной для людей, ищущих помощь, сколь и для самих добровольцев, потому что, добровольчество – это способ строить социальные отношения, применять свои моральные и религиозные принципы, получить новые навыки, найти поддержку и друзей, почувствовать себя способным что-то совершить, а также почувствовать себя нужным и полезным [10, с. 12].

Исходя из нашего социально-психолого-педагогического дискурса проблемы добровольческой деятельности, отмечаем, что ей свойственны следующие функции:

1. *Аксиологическая.* В результате добровольческой деятельности происходит формирование набора ценностей, исходя из требований современного мира. Ведь такие процессы, как глобализация, миграция, интеграция, поликультурное взаимодействие, требуют таких качеств, как солидарность, терпимость, взаимопонимание, гибкость и др.

2. *Функция повышения гражданской активности.* Добровольцами становятся люди социально активные и небезразличные к проблемам других. Выполняя общественно полезную и значимую работу, они осознают свою способность к изменению существующего мира к лучшему посредством бескорыстной добровольческой деятельности.

3. *Функция социализации.* В добровольческую деятельность чаще всего включаются подростки и молодые люди, которые, сталкиваясь с различными социальными проблемами, перенимая социальные образцы поведения старших коллег и приобретая собственный опыт.





4. *Содействие решению социальных проблем.* Добровольческая деятельность направлена на выявление и решение различных проблемных аспектов социальной жизни, которые нуждаются в ресурсах, но не имеют их [4].

Таким образом, очевидно, что добровольческая деятельность способствует развитию эмоциональной, чувственной сферы личности, изменяет и формирует ее ценностный мир, активизирует познавательную деятельность, способствует реализации социальной и творческой активности, личностному росту, мотивирует позитивную социализацию личности.

В современной России именно инициативное подростково-молодежное общественное движение в формах добровольческой и волонтерской деятельности является одним из важнейших средств позитивной социализации всех категорий подростков и молодежи.

Эти подростково-молодежные общественные движения, в отличие от школы, не ставят перед собой задачу достижения требований государственных образовательных стандартов, поскольку выполняют иную функцию – дополнение, расширения поля социализации юной личности, имеют различные направления деятельности в различных сферах – семью, здравоохранение, безопасность и охрана общественного порядка, досуг, культуру, спорт, производство и т.п.

Социальная инициатива рассматривается нами как форма добровольной деятельности подростков и молодежи в интересах личности, общества и государства, ориентированная на гармоничное сочетание общечеловеческих ценностей и национальных идей гуманизма, милосердия, социальной солидарности, а также направленная на обогащение и конструирование новой социально реальности. Тем самым подростково-молодежное добровольчество выступает особым социальным институтом социализации и воспитания.

Важно отметить, что на идеях добровольной помощи основана деятельность многих неправительственных организаций, ассоциаций, фондов





и других социальных объединений. Вовлеченность в добровольческую деятельность не имеет религиозных, расовых, возрастных и политических рамок.

В этой связи выделяются организованные и неорганизованные формы добровольческой деятельности. *Неорганизованное добровольчество* – это чаще всего спонтанная и эпизодическая помощь друзьям, коллегам или соседям. К примеру, уход за ребенком, оказание помощи в ремонте, выполнение мелких поручений, аренда оборудования или отклик на стихийное или созданное людьми бедствие. Следует отметить, что это преобладающая форма добровольчества во многих культурах. *Организованное добровольчество* осуществляется в некоммерческом, государственном и частном секторе, и, как правило, более систематично и регулярно. К примеру, участие в массовых акциях, митингах, участие в деятельности общественных организаций, добровольческих центров и фондах. Данная форма добровольчества распространена в меньшей степени.

В социально-психологическом отношении добровольческая деятельность может быть интерпретирована в рамках различных понятийных схем и концептуальных подходов (А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, Л.А. Гордон, Г.Г. Дилигенский, Е.А. Здравомыслова, А.Л. Ивин, Е.П.Ильин, Э.В. Клопов, О. Конт, В.В. Костюшев, О.В. Лишин, В.С. Магун, А. Маслоу, О.Д. Мацакова, Р. Мэй, Н.Н. Обозов, А.Б. Орлов, В.А. Петровский, К.Роджерс, Г. Спенсер, М.А. Христенко, А.С. Чернышев, О.Н. Яницкий).

В частности, на индивидуальном уровне анализа могут быть использованы: понятийная схема альтруизма как бескорыстной направленности поведения человека; концепции «надситуативной активности», а также «неадаптивной активности», позволяющей человеку выходить за границы своих собственных побуждений. На уровне межличностного взаимодействия добровольческая деятельность может быть рассмотрена как проявление «помогающего отношения» – активная





поддержка других, приводящая к получению удовлетворения от удовольствия других. *Групповая форма* бескорыстного труда рассматривается как атрибут функционирования общностей, обеспечивающих реализацию таких социально-психологических факторов, как добровольность включения в общую активность, наличие коллективных форм организации труда, создание условий для осуществления коллективного самоуправления. *На уровне социальных отношений* альтруизм может выступать либо как одна из форм просоциального поведения (характеризуется оказанием активной деятельности в пользу другого человека, или общественной группы), либо как активность, основанная на конструктивной мотивации [1; 2].

Исходя из сказанного, следует выделить три основные характеристики добровольческой деятельности. *Во-первых*, деятельность не должна предприниматься для финансового вознаграждения, хотя допускается компенсация расходов. *Во-вторых*, деятельность должна предприниматься добровольно, согласно собственной доброй воле индивидуума. *В-третьих*, деятельность должна приносить пользу кому-либо другому, помимо добровольца или обществу в целом, хотя признается, что добровольческая деятельность приносит существенную выгоду также и добровольцу.

Специфическими особенностями добровольческой деятельности являются: эмпатия, терпимость, эмоциональная устойчивость, сильная мотивация, ясное и глубокое осознание своей миссии, самоактуализация, а также социальная экстраверсия, коммуникативность, альтруистическая направленность (по Е.С. Азаровой, 2008).

Психологическая система добровольческой деятельности имеет следующие структурные компоненты:

- ✓ потребность (альтруистическая),
- ✓ мотив (безвозмездность и бескорытность),
- ✓ цель (социальная и психологическая помощь нуждающимся людям),





- ✓ личностный смысл (связан с внутренней потребностью, ориентированной на помощь людям),
- ✓ действие (ситуативно-тактическое),
- ✓ результат для личности (самореализация, самоактуализация).

Одним из неперенных условий эффективности добровольческой деятельности является психологическая готовность к ее осуществлению. Формированию психологической готовности к добровольческой деятельности способствует не только целенаправленная и систематическая программа подготовки, но и постоянное психологическое сопровождение на протяжении всех этапов обучения, а также в процессе работы добровольца (Е.С.Азарова, Т.Г. Кобякова, О.А. Смердов, С.В. Михайлова).

Основываясь на вышесказанном, выделяются следующие четыре основных типа деятельности добровольцев, каждый из которых может быть управляемым (через какую-то организацию) и неуправляемым (спонтанное решение группы людей или как индивидуальная инициатива):

1. Взаимопомощь (взаимовыручка).
2. Филантропия или помощь другим членам общества.
3. Участие в кампаниях в защиту социальной справедливости.
4. Участие в самоуправлении.

Доля граждан, вовлеченных в добровольческую деятельность и на перспективу⁸:

- 2019 год - 14%;
- 2020 год - 16%;
- 2021 год - 17%;
- 2022 год - 18%;
- 2023 год - 19%;
- 2024 год - 20%.

⁸ Доля граждан, вовлеченных в добровольческую деятельность // <https://sudact.ru/law/prikaz-rosmolodezhi-ot-15042019-n-118-ob/prilozhenie/pokazateli-federalnogo-proekta-sotsialnaia-aktivnost/ii/> (дата обращения: 07.03.2021).





В.В. Путин выступая на закрытии Форума «Доброволец России» 5 декабря 2019 заявил, что в России более 15 миллионов волонтеров.

По оценкам Росстата, в 2020 году в стране насчитывалось 2,7 миллиона официально зарегистрированных добровольцев старше 15 лет. И с каждым месяцем их становится больше. Только за 2020 год добровольцы России оказали помощь 5 млн. человек.

Журнал Forbes во второй раз представил топ-20 лучших благотворительных фондов: как и в прошлом году, первое и второе место заняли фонд Елены и Геннадия Тимченко и Благотворительный фонд Владимира Потанина.

Названы также миллиардеры с самыми большими расходами на благотворительность в 2020 году⁹:

Первое место в списке 50 американцев занял основатель «Amazon» Джефф Безос. Соответствующие данные приведены в журнале «The Chronicle of Philanthropy». Он направил в различные структуры около 10,15 миллиардов долларов. В частности, богатейший человек планеты потратил средства на создание «Фонда Земли» (Bezos Earth Fund) для борьбы с изменениями климата, а также на программы по передаче продуктов питания нуждающимся. Состояние Безоса достигает 194 миллиардов долларов.

На втором месте оказалась его супруга Маккензи Скотт. Она вложила в благотворительность 5,73 миллиарда долларов. Эти средства были пожертвованы на программы по помощи населению в выплате кредитов, распределению продуктов питания, а также на поддержку учебных заведений, где учатся темнокожие.

На третьем месте – бывший мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, который выделил около 1,6 миллиарда долларов на программы в образовательной сфере.

⁹ Миллиардеры с самыми большими расходами на благотворительность в 2020 году <https://lenta.ru/news/2021/02/10/blago/> (дата посещения: 07.03.2021).





На четвертом месте – американский бизнесмен Филип Найт и его супруга Пенелопа.

На пятом – глава американской компании «Twitter» Джек Дорси.

Согласно рейтингу 126 стран мира по Индексу благотворительности за 2019 год, первое место заняли США, второе место – Мьянма, третье место – Новая Зеландия, а Россия заняла 117 место с рейтингом 21 вместе с Руандой, Мадагаскаром и Хорватией. Замыкает таблицу – Китай и Греция.¹⁰

В заключении приведу также и топ-10 лучших благотворительных фондов 2020 года, основанных самыми богатыми людьми России.¹¹ Это:

1. Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко;
2. Благотворительный фонд Владимира Потанина;
3. «Наше будущее» Вагита Алекперова;
4. «Вольное дело» Олега Дерипаски;
5. «Базис» Олега Дерипаски;
6. Фонд Михаила Прохорова;
7. «Острова» Сергея Адоньева;
8. «Сафмар» Михаила Гуцериева;
9. «Искусство, наука и спорт» Алишера Усманова;
10. «Абсолют-помощь» Александра Светакова.

Добровольческие (волонтерские) движения России

Самыми популярными в нашей стране являются такие направления добровольчества, как социальное, событийное, культурное, военно-патриотическое и экологическое.

Направления добровольческих проектов, реализуемых на территории федеральных округов. Это:

¹⁰ Всемирный индекс благотворительности. / Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 18.01.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-giving-index> (дата обращения: 07.03.2021).

¹¹ <https://basetop.ru/10-luchshih-blagotvoritelnyh-fondov-2020-ot-samyh-bogatyh-rossiyan/> (дата обращения: 07.03.2021).





- «Волонтеры Победы»;
- «Волонтеры-медики»;
- Союз волонтерских организаций и движений;
- «МыВместе»; и другие.

Литература

1. Акимова Е. В. Педагогическое волонтерство в деятельности детско-молодежных объединений: автореф. ... кандидата педагогических наук (13.00.01). – Рязань, 2006.
2. Бархаев А. Б. Социально-психологические условия вовлечения волонтеров в деятельность общественных организаций: автореф. ... кандидата психологических наук (19.00.05). - М.: РГСУ, 2010.
3. Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо-Пресс, 2000. - 386 с.
4. Клейберг Ю. А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: «АЛЕФ», 2021. – 96 с.
5. Клейберг Ю. А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – 171 с.
6. Клейберг Ю. А. Превентивная ювенальная девиантология: курс лекций с практикумом для вузов и колледжей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. – 134 с.
7. Клейберг Ю. А. Девиантологическая культура педагога / Ю.А.Клейберг, К.О. Чедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. – 380 с.
8. Клейберг Ю. А. ТРИЗ-технология профилактики и коррекции девиантного поведения подростков // Психология XXI столетия // Сб. по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 15-17 мая 2020) / Под ред. Козлова В.В. - Ярославль: ЯрГУ, ЯГПУ, МАПН, 2020. – 423 с. – С. 195-198.





9. Клейберг Ю. А. Гражданская позиция современной молодежи: феноменология, тенденции, перспективы // Пензенский психологический вестник. 2017. №2 (9).

10. Левдер И. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания // Социальная работа. 2006. № 2.

11. Развитие молодежной активности в волонтерской деятельности: Сб. статей. - Мурманск: Новое начало, 2007.

VOLUNTEERING AS A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL CONSTRUCT: MODERN DISCOURSE

Prof. Yu. A. Kleyberg

About the author: *Yury A. Kleyberg*, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr of psychological sciences, Dr of pedagogical sciences, professor, Founder and President of the Academy of National Education and Science, the International Association of Deviantologists and the International Academy of Juvenology (Tver, Russia); ORCID iD: 0000-0001-6757-0102; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Annotation. The article notes that adolescence and adolescence is characterized by the desire for a new, unusual, risky. At the same time, they regard social initiative as a form of voluntary activity in the interests and for the benefit of the individual, society and the state, aimed at constructing a new social reality. The author points to the special place of adolescent and youth public organizations and associations in volunteerism, which are the most stable and structured part of the movement, representing a special socio-psychological and pedagogical construct and educational institution.

Key words: volunteering, volunteerism, construct, phenomenology, definition, actualization, modern discourse.





УДК 37.015.4

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МЕГАПОЛИСЕ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Н. Тесленко

(Нур-Султан, Казахстан)

Об авторе: *Тесленко Александр Николаевич*, доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. А.Мырзахметова, директор Центра ювенологических исследований; e-mail: teslan@rambler.ru; ORCID iD <https://orcid.org/0000-0003-1398-1832>.

Аннотация. В статье рассмотрены этнические аспекты социального взаимодействия в столице Казахстана, одном из крупнейших мегаполисов страны – городе Нур-Султан. Анализируются особенности межэтнической ситуации, конфликтологический потенциал столичного социума. Выявлены факторы тревожности, типичные формы нарушения гражданских прав по этническому принципу и поведенческие модели жителей столицы в условиях возникновения массового межэтнического конфликта инструменты взаимодействия этнических групп.

Ключевые слова: межэтническая ситуация, этномониторинг, мегаполис, межэтнический конфликт, конфликтогенный потенциал.





Введение. Современная цивилизация не знает периодов абсолютно бесконфликтного существования. Однако, на разных этапах её развития и в разных обществах вырабатываются приемлемые способы регулирования конфликтогенных тенденций в обществе, редуцирования социальных конфликтов, недопущения их эскалации, рационализации использования потенциала конфликтов в целях общественного развития. В обществах, отличающихся эффективным механизмом социального управления, а значит, относительно высоким уровнем устойчивости и социальной солидарности, конфликты находят разрешение, как правило, на микро и мезоуровне [1, с.21]. В этом случае как явление конфункциональное социальные конфликты оказывают позитивное воздействие не только на развитие отдельных индивидов и групп, но и общества в целом. В условиях социальной нестабильности в силу неэффективности механизмов социального управления и социальной дезорганизации они, напротив, утрачивают конструктивное содержание и становятся предпосылкой социальной дезинтеграции, исключения различных социальных категорий из социальных структур и отношений.

Сегодня одна из наиболее резонансных тем для обсуждения в публичном пространстве – межэтнические конфликты. В последние несколько лет в постсоветских странах, да и по всему миру, происходят не только драки, стычки и столкновения, подаваемые под этническим соусом, но серьезные кровопролитные войны.

В социальных науках природа и смысл понятия «межэтнический конфликт» достаточно размыто. Одни, выдают за него «...любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [2, с.9], другие утверждают, что межэтнический конфликт является одной из форм социального взаимодействия и представляет собой противоборство «по поводу прав и интересов этнических общностей» [3, с.11].





В одном аналитики сходятся: выделить «в чистом виде» этнические конфликты практически невозможно ввиду огромного разнообразия возможных причин, мотивов и заинтересованных сторон – ведь реальная практика конфликтов гораздо чётче и яснее, не говоря уже о происшествиях откровенно криминального характера. Например, трагические события в селе Масанчи и последующие кордайские пожары.¹² Именно они запалили бикфордов шнур откровенной ксенофобии в казахском сегменте социальных сетей и медиа-ресурсах, инициаторы которого не задумываются над последствиями своих действий. Критическая масса коренного этноса, комментируя происходящее, поддержала погромщиков. Впервые «мы, народ Казахстана» разделились на «хозяев земли» – гостеприимных, толерантных, великодушных, и гостей, которые беззастенчиво пользуются этими качествами. Выяснилось, что 6,5 миллиона человек недостаточно уважают казахский народ.

Летом 2021 года межэтническая ситуация стала ещё более обострилась после того, как по городам Казахстана прошла волна так называемых «языковых патрулей». Группы казахской молодежи обходят магазины, офисы, госучреждения и проверяют, все ли таблички, указатели и ценники переведены на казахский, а также просят людей поговорить с ними на этом языке. В противном случае они требуют на камеру извиниться перед казахским народом [4].

На этом фоне мониторинг межэтнической ситуации в столице Республики Казахстан – городе Нур-Султан является актуальным и востребованным. Надо отдать должное казахстанским властям, в Казахстане систематически проводятся этносоциальные исследования, измеряющие

¹² Конфликт между казахским большинством и дунганским меньшинством, компактно расселённым в Кордайского района, Жамбылской области произошедший в феврале 2020 года. В беспорядках, погромах и грабежах принимали участие до 1000 человек, в результате конфликта погибли 11 человек, 185 человек обратились за медицинской помощью, свыше 23 тыс. жителей (в основном дунган) бежали на территорию соседней Киргизии, несколько тысяч дунган, из числа оставшихся в Казахстане, укрылись в мечетях, пограничных заставах. По официальным данным в результате конфликта было сожжено 39 жилых домов, 20 коммерческих объектов и 47 единиц автотранспорта; по предварительным данным материальный ущерб составил 1,7 млрд тенге. Всего пострадало 778 семей местных жителей.





межэтнические отношения во взаимосвязи с социально-экономическими, политическими и другими отношениями [5]. Особенно они востребованы в крупных мегаполисах.

Город Нур-Султан, как любой мегаполис интернационален. Ещё в советский период столицу целинного края – город Целиноград (ныне Нур-Султан) – называли «фабрикой дружбы народов», и сегодня здесь проживают представители более 100 этносов. Цель данного этномониторинга – изучение состояния, динамики и факторов влияния на межэтническую ситуацию в столице для выработки практических рекомендаций по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере общественного согласия и общенационального единства в столице Казахстана.

Методология исследования:

Социологическое исследование в рамках мониторинга проводится ежеквартально на выборочной совокупности не менее 1000 респондентов (4000 – годовой объем респондентов). Модель выборки – смешенная: 1 этап – распределение административных единиц; серийная (гнездовая) выборка. 2 этап – квотная выборка по полу, возрасту, этнической принадлежности (рис.1).

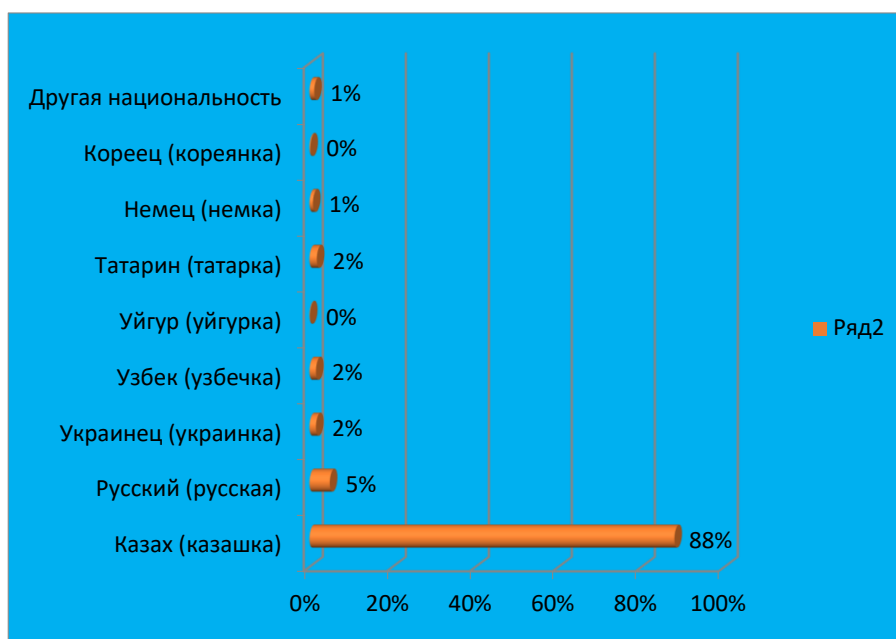


Рисунок 1 – Структура выборки по этническому составу





Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом комбинированного очного опроса (по месту жительства учебы, работы и иного массового скопления респондентов разных социально-профессиональных и демографических групп, отвечающих задачам исследования). В статье используются материалы первого (март-апрель, 2021 г.) и второго (июнь-июль, 2021 г.) срезов.

Результаты исследования. Важнейшим элементом межэтнической ситуации является этнический состав населения, особенности его расселения без знания которого практически не возможен анализ любых ее элементов. Так, основной контингент жителей столицы сформировался за последние 20-30 лет: 53% респондентов живут в столице менее 20 лет и только 22% уже более 20 лет (рис. 2). Напомню, что до распада СССР Целиноград в основном был «русским» городом. Сегодня коренных жителей (родившихся на данной территории) в структуре населения столицы достаточно мало – не более 12 %, что не удивительно, ведь 30 лет назад более половины населения эмигрировали за пределы страны, а их место заполнила разнообразная масса внутренних мигрантов из разных регионов Казахстана. Значительны внутренние миграционные процессы и сегодня, о чем свидетельствует количество временно проживающих (8%) и живущих на окраинах города или за его пределами (5%).



Рисунок 2 – Структура населения, проживающая в городе Нур-Султане





В целом, подавляющее большинство респондентов (70%) оценили ситуацию в межэтнической сфере в столице как «ситуация спокойная, мирная». При этом, 21% опрошенных считают, что межэтнические взаимоотношения в районе их проживания как «внешне спокойными, но ощущается некоторая напряженность», и только 3% оценивают ситуацию как «напряжённую». Скорее всего, речь идет о скрытой напряженности. В данном случае, есть основания считать, что такого рода ответ и вариант «затрудняюсь ответить» является отражением наличия некоторой неуверенности, неопределенности относительно характера межэтнической ситуации в столице.

Рассмотрим подробнее, какие факторы, на взгляд респондентов, сказываются на формировании страхов и опасений в текущей межэтнической ситуации в Казахстане.

В рейтинге факторов тревожности лидирует дискриминация по национальному признаку и языку межнационального общения (22%). За ней следует агрессивное поведение отдельных этносов на бытовом уровне (17%). Нежелание отдельных этносов общаться с другими этносами, совместно участвовать в общих мероприятиях отмечает 7% респондентов. Претензии к нетитульным этносам по поводу их незнания государственного языка имеет 12% опрошенных, как правило, казахи. При этом факты оскорбления национальных чувств и культуры (11%) и взаимное неуважение и нетерпимость в отношениях между людьми разных этносов (9%) наиболее часто отмечали представители всех категорий населения.

В оценках текущей ситуации важный фактор – это личный опыт столкновения с нарушением гражданских прав по этническому принципу. В ответах на вопрос «Сталкивались ли Вы по месту проживания с нарушением Ваших гражданских прав по этническому принципу?» (рис.4) по общему массиву ответили, что часто сталкивались – 7% респондентов, еще 17% -





сталкивались значительно реже. Но подавляющее большинство с нарушением гражданских прав по этническому принципу не сталкивались (76%).

Чаще всего жители столицы сталкиваются с нарушением гражданских прав по этническому принципу в сфере общественного питания (21%), транспорта (18%) и по месту учебы или работы (17%). Значительно реже в СМИ (14%), в учреждениях власти (14%) и культурно-досуговой сфере (13%). Вариант «очень редко» показывает более ровные показатели: в сфере общественного питания (25%), культурно-досуговой сфере (22%), в СМИ (22%) и учреждениях власти транспорта (20%) и по месту учебы или работы (25%). Но эти данные покрываются ответами тех, кто никогда не сталкивается с нарушением гражданских прав по этническому принципу.

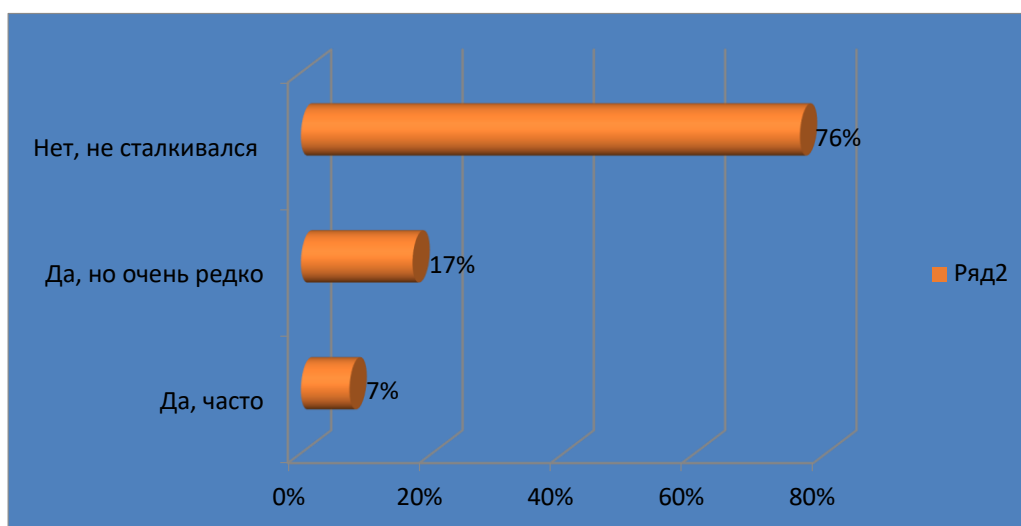


Рисунок 4 – Сталкивались ли Вы по месту проживания с нарушением Ваших гражданских прав по этническому принципу?

Исследование показывает, что формы нарушения гражданских прав разнообразны. Наиболее часто жители столицы сталкиваются с пренебрежительным отношением и насмешки в свой адрес по этническому признаку (17%), а также в форме брани, оскорбительных высказываний, грубости (12%) и хулиганских выходок, драк (12%). Данные формы





нарушения гражданских прав подпадают и чаще всего предотвращается органами правопорядка, а вот другие, типа распускание порочащих слухов, клевета и наветы (10%), уход от общения, игнорирование, бойкот (8%), препятствование в предоставлении выгодной работы, в продвижении по службе (9%) остаются без наказания.

По результатам социологического опроса, количество граждан, которые заявили о неприязни к определенным национальностям значительно ниже (10%), чем число тех, кто не ощущает межэтнического напряжения (диаграмма 15). Тем не менее, это ощутимая проблема для определенной части общества., игнорировать мнение которой нельзя. Кроме того, следует понимать, что значительная часть респондентов могла дать заведомо не вызывающий негативную реакцию ответ. Попросту говоря, скрыть свое истинное мнение.

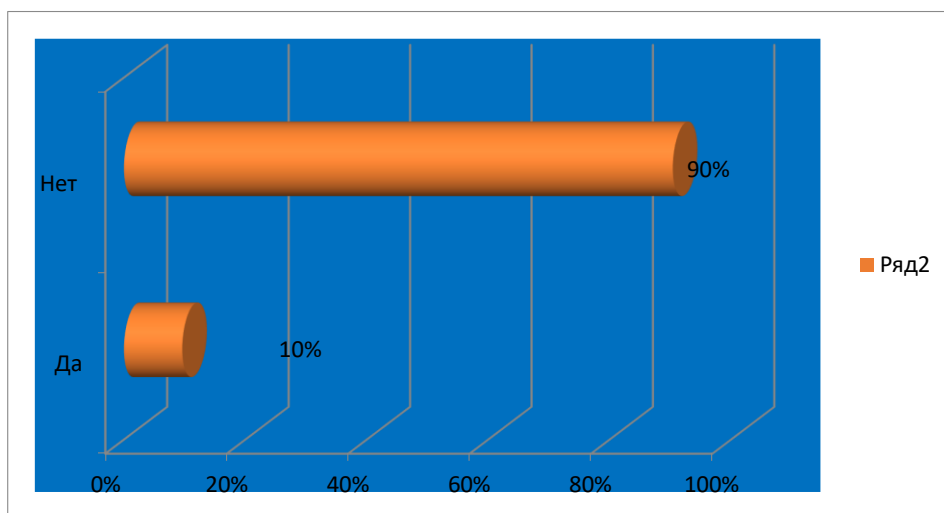


Рисунок 5 – Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо национальностей, проживающим в столице?

В оценках текущей ситуации три самых популярных ответа дают понимание того, что причину своей неприязни большинство респондентов (согласно выборки 88% - это представители казахского этноса) связывают с тем, что «они не чувствуют благодарности за то, что живут на нашей земле» (36%), «они – живут по иному укладу жизни, говорят на непонятном мне





языке» (30%) и «они ведут себя оскорбительно по отношению к моей культуре и языку» (29%). Позиция не титульных этносов в нежелании ассимилироваться и в должной мере изучать государственный язык естественно вызывает у других этнических групп сопротивление и провоцирует обратную реакцию коренных жителей столицы: «они не считаются с правилами общежития, сложившимися в моем городе» (20%), «они вносят хаос в нашу жизнь» (25%). С точки зрения респондентов вносят хаос в столичную жизнь и совершают большинство преступлений внутренние мигранты, как правило те, кто проживает в Нур-Султане временно. При этом нельзя отрицать, что многие преступные элементы едут в столицу целенаправленно «на заработки».

Безусловно, оценка ситуации респондентами носит эмоциональный характер. Однако, факт того, что конкретные вопросы вызывают эмоциональную реакцию, говорит не только о высокой озабоченности горожан по этому поводу, но латентной конфликтогенности социальной среды. Такого рода вывод, подтверждаются ответами на вопрос «Как Вам кажется, возможны ли в ближайшем будущем столкновения на национальной почве в районе Вашего проживания?» (рис.6).

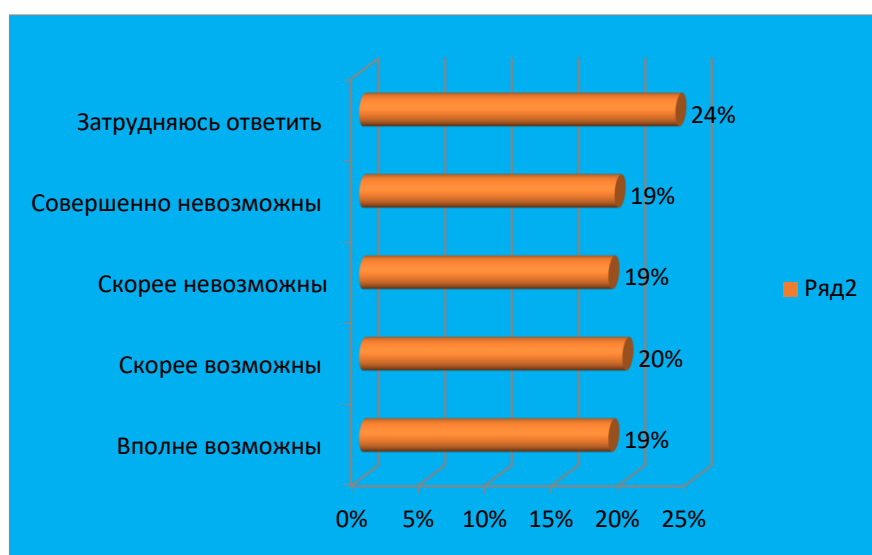


Рисунок 6 – Как Вам кажется, возможны ли в ближайшем будущем столкновения на национальной почве в районе Вашего проживания? Имеются ввиду словесные перепалки, ссоры, драки





К сожалению, бытовые конфликты в городской среде происходят постоянно. Сам ритм мегаполиса во многом способствует этому [6]. Однако ситуация усугубляется. Когда в конфликте замешаны представители разных этнических групп.

В ходе опроса выяснилось, что 19% опрошенных горожан считают, что существует высокая вероятность того, что национально-религиозные конфликты могут нарушить спокойствие и гражданский мир в Казахстане. К ним присоединяется 20% респондентов считающих, что такой конфликт скорее возможен. Такие же показатели и у сторонников, отрицающих такую возможность. Интересно, что наибольшие показатели демонстрируют те, кто испытывал затруднение при ответе на этот вопрос (24%).

Поведенческие модели жителей столицы в условиях возникновения массового межэтнического конфликта, затрагивающего интересы их этноса разновекторны. Так, респонденты были единодушны необходимости требовать от властей принятие действенных мер в ситуации возникновения массового межэтнического конфликта (36%) или вступят в общественную организацию, защищающую интересы их этноса (9%), однако 25% опрошенных заявили, что не будут вмешиваться в конфликт или постараются сменить место жительства (4%). Оптимизм дает тот факт, что только 1% респондентов готов защищать интересы своего этноса с оружием в руках.

Что касается конкретных причин возникновения сложностей, то результаты распределились следующим образом, наибольшее количество респондентов связывают сложности в межнациональных отношениях в таком большом городе как Нур-Султан со сложными социально-экономические условиями, безработицей, низким уровнем жизни значительной части жителей столицы (27%).

На неправильные действия правительства и местных властей обращают внимание соответственно 13% и 8% опрошенных. Еще 9% указали на плохую работу правоохранительных органов (9%), низкий уровень общей культуры





приезжих (7%) и отсутствие культуры мегаполиса (5%). Примечательно, что только 4% опрошенных жителей столицы видят проблему в исторически сложившейся неприязни между национальными группами или деятельности фанатиков, экстремистов, националистов.

Анализ данных, полученных в результате проведенного социологического исследования, позволил выявить конфликтологический потенциал столичного социума. В ходе опроса удалось выявить следующие риски и вызовы:

1. При оценке возможности в ближайшем будущем столкновения на национальной почве в районе проживания респондентов (словесные перепалки, ссоры, драки) столкнулись две противоположенные позиции: «вполне возможны» (19%) и «совершенно невозможны» (19%), «скорее возможны» (20%) и «скорее невозможны» (19%). Такое равновесие можно ситуационно интерпретировать как неопределенную и достаточно тревожной.

2. Поведенческие модели жителей столицы в условиях возникновения массового межэтнического конфликта, затрагивающего интересы их этноса, ориентированы на активный протест и участие («буду требовать от властей принятия действенных мер» – 36%), хотя открыто заявили об участии в митингах и демонстрациях лишь 2% опрошенных. Чуть более четверти респондентов выбирают пассивную позицию невмешательства (25%) или смены места жительства (4%).

3. Сложности в межнациональных отношениях в таком большом городе как Нур-Султан респонденты связывают прежде всего с со сложными социально-экономические условиями, безработицей, низким уровнем жизни значительной части жителей столицы (27%). Следуют обратить внимание на мнения, которые ответственность возлагают на властные структуры: правительства (13%), местной власти (8%), правоохранительных органов (9%).





В целом, полученные в ходе социологического исследования данные свидетельствуют, что конфликтологический потенциал столичного социума достаточно низок, но есть тревожные тенденции, на которые необходимо обратить внимание.

Литература

1. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 1996. С.96.
2. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. – М.: Изд-ие ИСИ РАН, 1993. С.31.
3. Громова, О.Н. Конфликтология. Курс лекций. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Изд-во ЭКМОС, 2000.
4. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Казахстан (по результатам социологического исследования): Научное издание. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – 90 с.
5. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред Д.Н. Гвишиниани. - М., 1997. – 432 с.
6. Тесленко А.Н. Организационная конфликтология. Учебное пособие. Астана: КАЗГЮУ, 2019. – 330 с.





INTERETHNIC CONFLICT IN THE MEGAPOLIS: DEVIANTOLOGICAL ASPECT

Prof. A. N. Teslenko

(Nur-Sultan, Kazakhstan)

About the author: *Alexander A. Teslenko*, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Kokshetau University named after A. Myrzakhmetova, Director of the Center for Juvenile Research; e-mail: teslan@rambler.ru; ORCID iD <https://orcid.org/0000-0003-1398-1832>.

Annotation. The article examines the ethnic aspects of social interaction in the capital of Kazakhstan, one of the country's largest megacities - the city of Nur-Sultan. The features of the interethnic situation, the conflictological potential of the capital's society are analyzed. The factors of anxiety, typical forms of violation of civil rights on the basis of ethnicity and behavioral models of residents of the capital in the conditions of the emergence of a mass interethnic conflict, tools of interaction of ethnic groups are identified.

Key words: interethnic situation, ethno-monitoring, megalopolis, interethnic conflict, potential for conflict.





ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ДИАЛЕКТИКЕ ДОБРА И ЗЛА

К. О. Чедия

(Москва, Россия)

Об авторе: *Чедия Константин Олегович*, академик Международной академии образования, доктор философских наук, кандидат психологических наук, педагог дополнительного образования, художественный руководитель музыкально-театральной студии «Вдохновение» при московских воспитательно-образовательных учреждениях для осужденных подростков, детей-сирот. E-mail: kochediya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются деонтологические аспекты диалектики конструктов «добро» и «зло». Отмечается, что понимание психологии девиантного поведения в ситуациях морального выбора является важным аспектом психологической деонтологии. Автор акцентирует внимание на вопросе о личностной идентификации человека с теми или иными идеалами, воплощающими в себе соответствующие моральные и мировоззренческие принципы, а также вопрос о психологических следствиях принятия человеком той или иной мировоззренческой системы.

Ключевые слова: деонтология, добро и зло, диалектика.





Как видно, когнитивный диссонанс заложен уже в самом названии этой главы.

На сегодняшний день сложились деонтологические нормативы и профессионально-этические предписания в медицине, юриспруденции, судебной экспертизе, психологии. Предпринята попытка институционализировать деонтологию и в девиантологической науке.¹³

Ad hoc приведем несколько точек зрения, характеризующих деонтологию с разных научных ракурсов. *Деонтология* (от греч. δέον – должное) – учение о проблемах морали и нравственности, раздел этики. Термин «деонтология» (от др.-греч. δέον – «должное»; deon, deontos должное, надлежащее + logos учение) был предложен английским философом Джереми (Иеремия) Бентамом (J. Bentham) в XIX веке в своей работе «Деонтология, или наука о морали» (англ. «Deontology or the Science of Morality») для обозначения теории нравственности как науки о морали. Основы деонтологии в отечественной медицине заложил советский онколог Н.Н. Петров. В последующем данный термин стал использоваться для обозначения совокупности нравственных норм поведения личности и ее взаимоотношения с другими людьми.

Деонтология – это: 1) раздел этики, рассматривающий проблемы долга и должного; 2) учение о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения медицинского работника главным образом по отношению к больному (*Большой Энциклопедический Словарь*).

Деонтология – раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и вообще должного (всего того, что выражает требования нравственности в форме предписаний) (*Философский словарь*).

¹³ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: МГОУ, 2017; Клейберг Ю. А. Основы ювенологии: юридический и девиантологический подходы: учебное пособие для вузов. – Лондон-Москва: Академия образования Великобритании, 2018; Клейберг Ю.А. Ювенальная деонтология: психолого-криминологический аспект // Ювенальная девиантология: теоретико-прикладные основы и перспективы развития. Коллективная монография / Под ред. Ю.А. Клейберга и М.К. Салимгереева. – Махачкала: АЛЕФ, 2019; Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: курса лекций с кейсами и практикумом. – 12-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020.





Деонтология (deontology) – наука, занимающаяся изучением этики и корректного поведения, а также определенных обязанностей врача по отношению к больному. Наиболее известен Свод применяемых в медицине этических норм, сформулированный Гиппократом («клятва Гиппократа») (*Психологический словарь*).

В *Словаре девиантолога* Ю.А. Клейберга (2021) *деонтология психологии девиантного поведения* рассматривается как междисциплинарная наука, рождающаяся на стыке профессиональной этики и философии, психологии и социальной морали [9, с. 37].

До недавнего времени деонтология действительно была обозначена, как наука, изучающая конкретно медицинскую этику, правила и нормы взаимодействия врача с коллегами и пациентом. И долгое время деонтология и аксиология рассматривались как синонимы.

Позже деонтологию стали отличать от аксиологии – учения о добре и зле, моральных ценностях. Она изучает формы выражения долженствования, путем которого нравственность выражает требования социальных законов, принимает различные формы в индивидуальном поведении, общих нормах и требованиях. *Деонтология психологии девиантного поведения – это междисциплинарная наука, рождающаяся на стыке профессиональной этики и философии, психологии и социологии морали.* В теоретическом и прикладном значениях ее можно рассматривать в четырех основных аспектах, как:

- ▶ теорию профессионального долга, должного или морально обязательного в поведении психолога;
- ▶ область знаний о зарождении, формировании, развитии и функционировании особой системы норм и кодексов должного профессионального поведения психолога, исторически сложившихся общепризнанных стандартов, основанных на моральных аксиомах;
- ▶ науку, изучающую международные и национальные системы требований к поведению психолога с целью придать их поведению и





мотивации нравственную аргументацию, утвердить общечеловеческие и групповые ценности;

► учебную и научную дисциплину, используемую в профессионально-нравственной подготовке кадров помогающих специальностей и, в первую очередь психологов, в работе по профориентации и воспитанию молодых специалистов.

Однако все по порядку. В основе нормативного поведения людей с точки зрения этики лежит мораль. Это – уникальное и универсальное явление, регулирующее общение и поведение людей в любой сфере их жизни и деятельности. Большая роль здесь отводится чувству социальной ответственности перед обществом, психологическим мотивам деятельности людей.

Мораль относится к сфере должного и изучается этикой, она указывает, как должен поступать человек. С этим согласны все, однако слово «должное» имеет разный смысл для разных людей. Важно одно – мораль указывает не то, *по каким правилам ведут себя люди* в той или иной культуре, а на то, *как они должны себя вести*.¹⁴

Становление нравственной личности связано не только с усвоением моральных норм, но и с формированием индивидуального мировоззрения, решением экзистенциальных проблем, поиском смысла жизни. Нравственные категории и проблема смысла жизни всегда изучались и продолжают изучаться в рамках этики и философии.

Вся традиция этики связана с выяснением того, что является должным для человека, соответствующим неким глубинным законам человеческого бытия. Такое выяснение заранее предполагает, что эти законы реально существуют. Тот факт, что человек волен нарушить моральный закон, поступить вопреки требованиям морали, никак не отменяет абсолютизм этих требований. В жизни возникают этически сложные ситуации морального выбора, которые не так просто оценить, но было бы принципиально неправильно пытаться

¹⁴ Здесь и далее: Веселова Е.К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность. – СПб., 2020.





приспособить моральный закон к конкретным житейским ситуациям. Одно дело понять и простить то или иное нарушение закона, совсем другое дело – счесть это нарушение несуществующим в силу оправдывающих обстоятельств. Этика учит разбираться в природе морального закона и понимать моральные аспекты человеческого поведения.

Человек – особый объект научного анализа. В сущность человека входит не столько то, каков он есть, сколько то, каким ему должно быть. Моральные нормы требуют от человека возрастать в своей человеческой сущности, становиться все более человеком. Человек по своей природе есть моральное существо, и понять природу человека невозможно без постижения природы морального закона. Основу этики как науки, согласно А.Ф. Лосеву (1995), составляет метафизика нравственности, включающая, помимо анализа понятия морального закона, учение о свободе воли.

Однако Ю.А. Шрейдер (1999), рассматривая различия между этикой и психологией, отмечает, что «психология построена на том, что человек действует, думает, чувствует, развивается по некоему закону, на основе которого можно извне направлять, детерминировать путь человека. Этика же исходит из противоположной установки – свободы воли: только тогда и становится возможным сам этический поступок. Свобода воли – основная предпосылка этики. Человек отвечает за свой поступок. <...> Психология показывает, как происходит этическое поведение, какие механизмы приводят к ощущению трудности поступка. Ее (этику) интересует содержание поступка, а не психологический фон. Именно поэтому в жизни этическое призвано контролировать психологическое».

Психологически этические категории человек осваивает в форме опыта переживаний в ситуациях морального выбора, как феномен внутреннего субъективного опыта, как явление сознания. Моральный выбор состоит в том, что человеку приходится решать, не противоречат ли какие-то притягательные





для него ценности каким-то не вполне осознаваемым интересам сохранения и развития собственной личности (Ю.А. Шрейдер, 1998).

Понимание психологии девиантного поведения в ситуациях морального выбора является важным аспектом психологической деонтологии. Ю.А.Шрейдер (1998) описал пять признаков морального выбора (или морального конфликта):

1. В ситуациях морального выбора возникает внутреннее ощущение, что следует поступить не так, как в данный момент хочется, а вопреки этому.

2. Это вызывает дискомфорт и требует определенных усилий воли. В конечном счете, человек поступает по своей воле, то есть так, как он сам хочет. Но от «я хочу» до «мне хочется» огромная дистанция.

3. Иногда окружение субъекта ждет от него отказа от того, чтобы он поступил, как ему хочется. Но если человек совершает поступок только потому, что этого хотят окружающие, то это не моральный выбор, а готовность остаться с окружением, которое само может оказаться аморальным.

Моральный выбор всегда связан с отказом от собственных притязаний ради того, чтобы сохранить моральное достоинство. В этом он похож на готовность считаться с мнением окружающих.

Моральный выбор совершается здесь и сейчас. Его нельзя отложить на определенный срок. Решив, что в данных неблагоприятных обстоятельствах следует действовать по обстоятельствам, а не в соответствии с моральными ориентирами, откладывая моральный выбор на потом, человек поступает аморально.

Эти пять признаков характерны и для этики, и для психологии. С психологической же точки зрения часто человек не испытывает такого состояния сознания, которое можно назвать «моральный выбор». Объективно, с позиций этики ситуация выбора есть, а субъективно ее нет, так как человек, реагирует своим индивидуальным образом, на основе ценностных предпочтений. В этом случае мы имеем внутренний, интериоризованный моральный закон, который





«придает смысл действительности, задает ей определенный моральный стандарт и предопределяет моральный выбор» (Р. Апресян, 1995).

Каждая этическая система является набором критериев, или ориентиров, позволяющих человеку осознанно совершать моральный выбор, распознавать ситуации, в которых этот выбор неминуем, и осознанно нести ответственность за результаты своих действий и поступков. При этом этический анализ поступков человека определяется принятой этической системой. Психологический анализ поведения человека гораздо сложнее. Здесь мы имеем дело с проблемой зрелости индивидуального сознания человека, осознанности принятия той или иной этической и связанной с ней более широкой мировоззренческой системы. Встает вопрос о личностной идентификации человека с теми или иными идеалами, воплощающими в себе соответствующие моральные и мировоззренческие принципы, а также вопрос о психологических следствиях принятия человеком той или иной мировоззренческой системы.

Если обобщить мнения исследователей по проблеме зрелости нравственного сознания (Л.И. Божович, 1995; Ю.А. Шрейдер, 1998; Д. фон Гильдебранд, 2001), то его критериями являются следующие шесть, которые, добавлю, совпадают и с девиантологическими положениями:

- четкое осознание оценочных координат «добра» и «зла», хороших и дурных действий;
- созревание рефлексивного механизма различения и оценки собственных потребностей, стремлений, целей, действий человека в соответствии с этими координатами;
- формирование сознания необходимости совершать добрые, нравственные поступки и воздерживаться от злых поступков (т.е. мотива долга);
- формирование чувства свободы, то есть признание возможности совершать добро и воздерживаться от зла при отсутствии прямого внешнего насилия во всех условиях и обстоятельствах жизни;





- усвоение объективного факта зависимости действий человека от него самого, от его воли, то есть ответственности человека за собственное поведение (признание себя самого причиной своих действий, виновником их результата и ответственным за их качество);

- наличие совести – механизма, информирующего человека в ситуациях морального выбора о правильности планируемых или совершаемых поступков.

К числу наиболее важных проблем деонтологии психологии девиантного поведения, как нам кажется, относятся следующие:

- 1) принятие или отвержение моральных норм специалистом-психологом;
- 2) внешняя и внутренняя мотивация нравственного поведения профессионала;
- 3) чувствительность к моральному конфликту и проблема внутренних санкций за неисполнение нравственных требований (совесть);
- 4) проблема побудительной силы нравственных правил поведения;
- 5) осознанность оснований морального выбора в сложных ситуациях;
- 6) факторы устойчивости реализации нравственных мотивов в поведении;
- 7) механизмы закрепления нравственной мотивации в характере человека.

Понимание этих проблем определит понимание механизмов формирования высокого уровня нравственности и моральной надежности личности специалистов помогающих профессий – психологов, юристов, социальных работников, медиков. А это, в свою очередь, выводит данных специалистов в практическую плоскость оказания клиенту конкретной профессиональной помощи.

А.Е. Рябов (2000), рассматривая ситуацию в области практической психологии, выделяет два вида профессиональных контекстов практической психологической деятельности в России: внешний и внутренний. *Внутренний контекст* составляет собственно профессиональная деятельность психологов, контакты и взаимоотношения коллег внутри одной профессии. *Внешний контекст* задается отношением и запросами общества, социальной ситуацией





профессиональной деятельности практических психологов, условиями разделения труда и взаимодействия с представителями смежных профессий (педагогами, социальными работниками, врачами). Автор считает, что зона творческого развития сферы практической психологии заключена в ее внутреннем контексте. Внешний контекст может как способствовать развитию практической психологии, так и тормозить его. Внешний и внутренний контексты взаимодействуют и дополняют друг друга, но аналитически четко разделяются.

Касаясь внутреннего контекста практической психологической деятельности, А.Е. Рябов отмечает два обстоятельства. *Первое* состоит в том, что большинство «продавцов» психологических услуг не обладает осознанной профессиональной идентичностью. Российские практические психологи, по его мнению, переживают процесс накопления критической массы знаний и навыков работы. Отсутствие четких методологических предпочтений заставляет специалистов постоянно учиться (в основном у западных коллег), с легкостью перескакивая от одного метода к другому, неразборчиво нанизывая в своем профессиональном образовании и практической деятельности самые различные подходы. *Второе* свойство внутреннего контекста состоит в неясности внутреннего содержания самой деятельности практического психолога. Речь идет о том, в каком направлении психолог должен менять человека, обращающегося к нему за помощью. Психологи как специалисты, обладающие технологиями изменения человека, не вполне ясно и теперь осознают свою ответственность за безопасность и позитивность своих вмешательств во внутренний мир личности своих клиентов.

Внешний российский контекст перспективного развития практической психологии характеризуется следующими особенностями. Звание «психолог» перестало обозначать ясную профессиональную принадлежность к когорте ученых, как у широкой публики, так и в профессиональной среде. Массовая подготовка психологов непсихологическими вузами России обернулась





глубокой утратой интереса к научному изучению проблем человеческой психики, из-за неспособности упомянутых учебных заведений обеспечить высокий уровень теоретической подготовки психологов.

А.Е. Рябов совершенно прав, указывая на неопределенность профессиональной идентификации как на одну из главных проблем развития практической психологии в качестве социально полезной области деятельности психологов. От того, как будет понят вектор этого развития, зависят и место, и смысл профессиональной деятельности практических психологов, их профессиональная идентификация.

В этом пункте мы имеем серьезное расхождение методологического характера между положением в сфере медицины и в сфере практической психологии. Если врач восстанавливает физическое здоровье человека, его физические возможности исполнения социальных функций, то психолог, хочет он того или нет, затрагивает смысловую сферу личности человека, его убеждения, ценности, верования. Вред, наносимый психологическим вмешательством ценностям и убеждениям конкретного клиента, трудно увидеть со стороны. Он может заключаться во внедрении убеждений, стереотипов поведения и образа жизни, не свойственных традициям культуры общества и неосознанной личностной идентичности данного конкретного человека. Опыт экспериментального психологического вмешательства в личность уникален, обращен в будущее и подчас неисправим, чем существенно отличается от опыта экспериментального врачебного вмешательства, вред от которого обнаруживается в более короткие сроки.

В настоящее время, несмотря на трудную социально-экономическую ситуацию, в России создаются организации благотворительного характера. Общество готовится залечивать свои раны. Христианское учение о милосердии и благотворительности становится созвучным запросам времени и может способствовать духовному и нравственному возрождению России. Сегодня актуальны обращение к отечественным традициям христианского милосердия и





научное рассмотрение этого феномена. Российская практическая психология последние два с лишним десятилетия училась у западных психологов гуманистического, психоаналитического, экзистенциального, бихевиорального направлений. Пришло время осмыслить и отечественный опыт помогающей, благотворительной деятельности и сравнить его с современными западными технологиями психологической помощи, которые освещены в нашей литературе лучше, чем свой собственный традиционный опыт.

Термины «психологическая помощь», «помогающая деятельность», «помогающая профессия» не так давно введены в обиход. В широком смысле «помощь – действия того, кто старается облегчить чью-нибудь работу, жизнь, спасти от чего-нибудь» (Краткий толковый словарь русского языка, 1990). Кстати, опрос, проведенный Е.П. Кораблиной (2000), показал, что слово «помощь» в сознании людей, прежде всего, ассоциируется с поддержкой, заботой, соучастием, состраданием и пониманием, которые необходимы каждому человеку, независимо от специфики решаемой проблемы.

Как считает Р. Мэй, «...множество людей, имеющих различные профессии, замечают, что вынуждены оказывать психологическую помощь, хотя они этого или не хотят. Руководитель, консультант, друг – это то, чем мы все являемся, когда общаемся с людьми...» (Р. Мэй, 2001). Л.А. Колчанова (2000) подробно анализирует и в итоге уточняет понятия «помогающая профессия» и «помогающая деятельность». Она считает, что никакие отношения между людьми нельзя полностью уложить в схемы и формулы. Отношения родителя и ребенка, учителя и ученика, психолога и клиента, врача и больного содержат в себе массу не классифицируемых и не измеряемых явлений: сочувствие, личностную вовлеченность, намерения, интуицию, человечность. В исследовательских целях приходится упрощать и приземлять реальность, но помощь друг другу всегда будет не зависящей от классификаций основой человеческих отношений. Помощь универсальна и присутствует везде, где люди вступают друг с другом в отношения. Главный признак помогающих





отношений состоит в непосредственном контакте оказывающего помощь с тем, кто ее получает.

Социальная помощь людям как профессия стала развиваться на Западе перед второй мировой войной. Сегодня она представлена сетью профессиональных организаций с большим количеством служащих, солидным бюджетом и огромным охватом населения. Социальных работников называют «механиками, смазывающими межперсональные колеса общества» (А.Я.Варга, 1993).

Профессионализация помощи произошла в связи с интенсивным развитием психологического консультирования и психотерапии в середине XX века на Западе и с появлением термина «психологическая помощь». Возникает вопрос: почему же потребовалась профессионализация помощи людьми друг другу? Повидимому, потому, что произошли серьезные социальные изменения, а исторически сложившиеся механизмы помощи перестали обеспечивать потребности людей в этой помощи.

Несмотря на различный смысл социально-психологических проблем в каждой исторической эпохе, в центре ситуации всегда находится страдающий человек. А отношение людей к помощи и участие их в этой помощи зависят от морального состояния общества и от ведущей этической модели взаимоотношений между людьми в данном обществе. Ситуацию в обществе, когда «все помогают всем» можно считать признаком здоровья этого общества.

Важной задачей деонтологии психологии девиантного поведения является изучение возможностей исполнения требований этического профессионального кодекса психолога-девиантолога в сложных, иногда экстремальных ситуациях.

Еще одной важной задачей является изучение «терапевтических» факторов в структуре отношений «помогающий – принимающий помощь», то есть психологических механизмов исцеления в процессе психотерапии, консультирования и оказания других видов психологической помощи.





Наиболее существенный блок проблем связан с личностью самого специалиста, с уровнем его личной культуры, нравственности, моральной надежности, с возможным эмоциональным выгоранием, с возникновением профессиональных деформаций в моральной сфере личности. Здесь уже стоит вопрос не о том, что объективно мешает исполнить требования этического кодекса, а о том, что делает человека непригодным к «помогающей деятельности» и можно ли это исправить.

Таким образом, в качестве центральных вопросов деонтологии психологии девиантного поведения предлагается рассматривать все этические аспекты взаимодействия «помогающий специалист – субъект помощи», а также личностные механизмы, обеспечивающие нравственное и морально надежное поведение специалистов помогающих профессий. Именно эти механизмы, связанные с экзистенциально-онтологическими аспектами личности, о которых мы сейчас так мало знаем, обеспечивают главный критерий эффективности психологической помощи.

Ценности в психологии рассматриваются как междисциплинарное понятие, а ценностные ориентации как нелинейная многомерная система (M. Rokeach, 1968; Д.А. Леонтьев, 1996; С.С. Бубнова, 1999). Рассматривая эту проблему с точки зрения прогнозирования социального поведения личности, В.А. Ядов также указывает на сложность и многокачественность предмета анализа: «Какой собственно предмет подлежит анализу: человек, личность, индивидуальность, субъект деятельности?» – спрашивает он (В.А. Ядов, 1979).

В отечественной социальной психологии эта проблема ставилась и освещалась внутри проблемы регуляции, саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности (там же, 1979). Как отмечал В.А. Ядов, «основные усилия советских психологов сосредоточены на разработке проблемы внутренней регуляции (то есть, саморегуляции) поведения. Исходным пунктом при этом является представление о «действующем субъекте», его целостности, его структуре и механизмах функционирования» (В.А. Ядов, 1979). Одной из





первых теорий, воплощавших этот принцип, стала концепция отношений личности В.Н. Мясищева (1960). «Отношение как связь, – по Мясищеву, – порождается субъектом, индивидом. Он устанавливает ее на основе накопленного индивидуального опыта, активно, избирательно, на высшем уровне развития сознательности. Субъект целостен и этот принцип целостности переносится и на объектную сторону отношения» (см.: Е.В. Левченко, 2003).

Однако в рамках теории отношений трудно интерпретировать известный из повседневной практики факт, связанный, с тем, что осознанные намерения людей далеко не всегда согласуются с их реальным поведением.

В психологии состояния готовности к определенному способу действий, в том числе в моральной сфере, называются по-разному: диспозиции личности, жизненная позиция, направленность интересов, ценностная ориентация, социальная установка, субъективное отношение, доминирующая мотивация, субъективный смысл, придаваемый действиям (В.А. Ядов, Б.Г. Ананьев, И.С.Кон, В.Н. Мясищев, Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили, Л.А. Божович, А.Н.Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская и др.). Важнейшим аспектом рассматриваемой проблемы является то, что субъект деятельности выступает в качестве агента образа жизни своего социального окружения. Индивидуальный уровень бытия человека выражается в том, что способы и средства его деятельности не содержатся в готовом виде в общечеловеческом опыте и не являются однозначными для всех.

С психологической точки зрения важнейшим моментом является то, что личность выступает как максимально обобщенная, устойчивая целостность психических свойств и процессов, обнаруживающая себя в самых разных проявлениях активности и в различных социальных условиях (Б.Г. Ананьев, И.М.Палей, 1969). Центральным пунктом здесь является вопрос о том, что же «цементирует» личность. В работах Л.И. Божович, посвященных исследованию закономерностей формирования личности в детском и подростковом возрасте, системообразующим признаком структуры личности выступает внутренняя





позиция личности, или ее направленность (Л.И. Божович, 1968, 1995). Направленность, понимаемая как устойчивое доминирование некоторых мотивов деятельности, определяет целостность, целенаправленность поведения и всей жизни человека.

Главным нравственным качеством, которое должно быть сформировано у каждого растущего человека, – действенность его мировоззрения, морально-нравственных идеалов, убеждений. Существенным моментом зрелости личности является сформированное мировоззрение.

Э. Фромм неоднократно повторяет, что понимание мотивации поведения человека должно вытекать из понимания общей характеристики смысла человеческого существования (Э. Фромм, 1992, 1993).

Мировоззрение, являясь осознанной системой взглядов личности на мир и на место человека в мире, составляет итог достижения личностной идентичности в экзистенциально-онтологической сфере. Центральным ядром мировоззренческой системы являются идеалы. Тип идеала, на который направлены процессы идентификации личности, определяет позитивный или негативный характер нравственной направленности личности. Именно исследование личностной идентичности, как считает И.Б. Дерманова (1999), поможет ответить на вопрос о роли нравственных ориентаций в процессе формирования готовности к нравственному поведению.

Процесс обретения личностной идентичности можно также рассматривать в качестве психологического механизма поиска подходящей модели самосознания. Б.Д. Парыгин предлагает следующую структуру самосознания личности: 1) родовое самосознание, или факт осознания человеком своей принадлежности к человеческому роду; 2) социально-специфическое самосознание – факт осознания человеком своей принадлежности к определенной совокупности социальных групп, представителем которых он является (национальное, политическое, профессиональное, правовое); 3) индивидуальное самосознание – факт





осознания индивидом его индивидуально-неповторимых особенностей, черт характера и специфических жизненных интересов (Б.Д. Парыгин, 2003).

Модели самосознания существуют независимо от индивидуального сознания и передаются в процессе социализации личности. Важно, какое место занимают онтологические вопросы в принятой личностью модели самосознания. Какую систему представлений о реальности и о месте человека в мире она включает, как отвечает на экзистенциальные вопросы бытия человека, какие идеалы, ценности, нормы поведения, типичные образцы чувств и переживаний связаны с данной моделью самосознания.

Для обозначения психологических особенностей моделей группового сознания употребляется термин «ментальность». Этот термин ввели французские историки школы «Анналов» Жорж Дюби и Робер Мандру в середине 1950-х годов, предпочтя его «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим близким по смыслу понятиям. По их мнению, ментальность – это система образов, представлений, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей (Ж. Дюби, 1991). Безусловно, важным аспектом идентичности личности, ее причастности к коллективной модели самосознания является наличие у нее общего психического настроения, соответствующего этой модели. Каждый человек на протяжении всей своей жизни формирует, меняет, корректирует свое мировоззрение.

Таким образом, деонтология психологии девиантного поведения дает понимание основ нравственного функционирования личности, исследование «внутреннего ядра» личности – совести, изучение и сравнение нравственных идеалов различных мировоззренческих систем, изучение механизмов интеграции и критериев зрелости целостной личности, понимание роли мировоззрения в нравственной регуляции поведения.





Важная и сложная проблема деонтологии психологии девиантного поведения заключается также в понимании «помогающими» специалистами целей и смысла оказания помощи.

Человек является личностью, если он включен в общность людей, имеющих общую модель самосознания. Модель самосознания включает систему представлений о реальности, о месте человека в мире, идеалы, ценности, нормы поведения, типичные образцы чувств и переживаний, отвечает на экзистенциальные вопросы человека определенным образом. В этом смысле помогающий и принимающий помощь могут иметь различные ценностные модели самосознания, ориентирующие их на разные варианты решения экзистенциальных проблем. Без идентичности нет личности, поэтому работа психолога с проблемами личности клиента – это работа с идентичностью клиента. Сначала человеку надо понять, «кто он такой», каково его предназначение, и захотеть ему соответствовать, а затем уже пытаться изменять и развивать себя. Влияние ценностей психолога на клиента имеет этическую сторону, так как цели, выдвигаемые специалистом в процессе консультирования, и методы, которые он использует, являются отражением его жизненной философии, которую полностью исключить из процесса оказания психологической помощи просто невозможно. Поэтому важнейшим вопросом деонтологии психологии девиантного поведения является вопрос о личной системе ценностей помогающего специалиста.

Литература

1. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста: Учебное пособие для вузов. - М., 1999.
2. Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. - М., 1985.
3. Белякова Г. И. Профессиональная этика. - М., 1975.
4. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. - М., 1993.





5. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. - Нальчик, 1999.
Библия. - М., 1995.
6. Грандо А. А. Врачебная этика и медицинская деонтология. - Киев, 1988.
7. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: Учебник. - М., 1999.
8. Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика: истоки и проблемы. Учебник для вузов. - Ростов на/Д., 2000.
9. Клейберг Ю. А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – 171 с.
10. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – 12-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. – 268. – Гл. 4.
11. Клейберг Ю. А. Основы ювенологии: юридический и девиантологический подходы. Учебное пособие для вузов. - Лондон-Москва: Изд-во Академии образования Великобритании, 2018. - 456 с.
12. Клейберг Ю. А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. - СПб: Алеф-Пресс, 2014.
13. Клейберг Ю. А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии. Учебное пособие. - М.: НОУ ВПО «МПСУ». 2014.
14. Медведева Г. П. Этика социальной работы. Учебное пособие. - М., 2002.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М., 1992.
16. Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. - М., 1993.
17. Клейберг Ю. А., Чедия К. О. Девиантологическая культура педагога: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. – 380 с.





DEONTOLOGICAL ASPECTS IN DIALECTICS GOOD AND EVIL

K. O. Chedia

(Moscow, Russia)

About the author: Konstantin Chediya, Member of the International Academy of Education, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Psychology, teacher of additional education, artistic director of the music and theater studio "Inspiration" at Moscow educational institutions for convicted adolescents, orphans.

Annotation. The article examines the deontological aspects of the dialectics of the constructs "good" and "evil". It is noted that understanding the psychology of deviant behavior in situations of moral choice is an important aspect of psychological deontology. The author focuses on the issue of a person's personal identification with certain ideals that embody the corresponding moral and worldview principles, as well as the question of the psychological consequences of a person's adoption of a particular worldview system.

Key words: deontology, good and evil, dialectics.





АКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

А. Л. Сиротюк, Ю. С. Думиникэ, А. С. Сиротюк

(Тверь, Россия)

Об авторах:

Сиротюк Алла Леонидовна, доктор психологических наук, профессор; Институт педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета; e-mail: a.sirotyk@mail.ru

Думиникэ Юрий Семёнович, кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова; e-mail: duminik@mail.ru

Сиротюк Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова; e-mail: staska8769@mail.ru

*Безумие - это когда человек
вновь и вновь использует одни и
те же приемы, искренне надеясь
на то, что результат будет
иным.*

Альберт Эйнштейн (XX век)

Изменения, происходящие в сфере высшего профессионального образования, в том числе военного, направлены на подготовку мобильных, конкурентоспособных и компетентных выпускников вузов, способных к обучению и повышению профессионализма на протяжении всей жизни.

Учитывая, что профессионализм представляет собой сложную структуру, А.К. Маркова включает в него [10]:





- мотивационный компонент (профессиональные ценности, притязания, мотивы, целеполагание и т.д.);

- операциональный компонент (профессиональное самосознание, способности, обучаемость, мастерство, творчество и т.д.);

- регуляционный компонент (профессиональная саморегуляция и т.д.).

И.В. Диденко и А.А. Диденко считают, что профессионализм является высшей ступенью развития личности в профессии и характеризуется [5]:

- необходимыми профессионально важными качествами;

- особой компетентностью, обеспеченной специальным образованием;

- развитой профессиональной мотивацией;

- профессиональным мышлением;

- ценностно-смысловой сферой;

- профессиональным самосознанием, реализующаяся не в виде простого функционирования в профессии, а в личностном и профессиональном росте.

Для развития и повышения профессионализма выпускников военных вузов необходимо применение новых технологий и форм обучения, которые позволили бы выйти за рамки традиционной лекционно-семинарской подготовки.

Невозможно, например, сформировать умение искать, систематизировать и анализировать информацию, если преподаватель дает её на лекциях в готовом виде; невозможно сформировать творческое мышление, не давая обучающимся свободы слова во время дискуссий и мозговых штурмов; невозможно стать профессионалом, не совершая ошибок и не анализируя их в процессе профессиональных игр и тренингов.

Одним из вариантов повышения профессионализма является применение активных технологий обучения, направленных на развитие у обучающихся вуза:

- системы профессиональных компетентностей;





- креативности, критичности и самостоятельности профессионального мышления;

- коммуникативных, организационных и рефлексивных навыков;

- необходимых профессионально важных качеств личности;

- активной жизненной позиции;

- умения работать в команде.

Понятие «*интерактивное обучение*» употребляется для усиления степени активности преподавателя и обучающихся в образовательном процессе.

История развития технологий активного обучения имеет древние корни. Философы, политики, жрецы, военачальники, дипломаты и купцы скрупулёзно собирали знания о закономерностях активного обучения, которые хранили в секрете на правах тайного оружия.

Египетские фараоны, вступая на престол, проходили подготовку в форме тренинга по управлению государством и армией.

Технологии активного обучения применялись во время подготовки воинов древней Спарты, североамериканских индейцев и японских ниндзя для расширения поля восприятия, увеличения объема памяти, развития эвристического мышления, повышения нервно-психической устойчивости, преодоления страха и боли.

Аристотель (384 - 322 до н.э.), обучая Александра Македонского (336 - 323 до н.э.), использовал диалогическое обсуждение (сократическая беседа), индивидуальное наставничество, военные игры и тренировки (профессиональная практика), участие в походах в качестве наблюдателя (супервизорство) и т.д. В результате чего А. Македонский в 16 лет возглавил армию, а в 20 лет – государство.

В свое время активное обучение солдат использовал А.В. Суворов (1730 – 1800) во время военных учений: моделирование предстоящей деятельности; маневры; военные упражнения; сквозные атаки и т.д. Оценивая роль





обученных солдат в армии, А.В. Суворов писал: «Нам за ученого дают трех неученых, - мало трех, - давай пять, десять!» [12, с.13].

Вслед за А.В. Суворовым М.И. Драгомиров (1841 – 1905) указывал на то, что:

- «прошло то время, когда думали, что солдат тем лучше, чем он деревяннее» [7];

- «всякий воин должен понимать свой маневр...» [6, с.347];

- «покажи солдату что-нибудь один раз, и он задержит, поймет и будет помнить это лучше, чем ты ему расскажешь двадцать раз» [6, с.650].

Заслуживает внимания методическое пособие «Подготовка красного командира» (1924 год), включающее ряд упражнений на сплочение (командообразование) командиров Красной армии. Например, в методичке описано упражнение «Падение на доверие с крыши сарая на руки других командиров отряда», которое активно используется в современных тренингах и называется «Падение на руки (на доверие)».

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования предполагают увеличение объема самостоятельной работы обучающихся, широкое применение технологий активного обучения, широкий спектр оценочных средств и т.д.

Методы активного обучения могут быть использованы на различных этапах учебного процесса. Например, [4]:

1 этап - первичное овладение знаниями: проблемная лекция (семинар), круглый стол, выполнение проекта и т.д.

2 этап - контроль знаний (закрепление): мозговой штурм, круглый стол и т.д.

3 этап - формирование профессиональных умений, навыков, компетентностей на основе полученных знаний: деловая, ролевая или имитационная игра; профессиональный тренинг и т.д.





Современные исследователи выделяют ряд отличительных особенностей активного обучения, к которым можно отнести принудительную активизацию мышления обучающихся, длительную вовлеченность в учебный процесс, самостоятельное и творческое принятие решений, повышение учебной мотивации, постоянное взаимодействие обучающихся и преподавателя посредством прямых и обратных связей [2].

В настоящее время выделяют дискуссионные, игровые, смешанные и комплексные формы организации активного обучения [9].

Дискуссионные формы организации обучения позволяют сформировать у обучающихся культуру обсуждения проблемных вопросов, умение логически и критически мыслить, владение терминами изучаемой дисциплины, принятие другой точки зрения, уверенность в собственных силах. Кроме того, в процессе дискуссии развиваются способность работать в группе, навыки публичного выступления и умение сосредоточиться на обсуждаемой проблеме [8]. К дискуссионным формам относят сократическую беседу, интеллектуальную разминку, групповое интервью, групповую дискуссию, дельфийский метод, круглый стол, метод «635», мозговой штурм и т.д.

Игровые формы организации обучения основаны на игровом моделировании профессиональной деятельности. Преимущества этой формы состоят в том, что профессиональную ситуацию в игре можно проигрывать до тех пор, пока участники не будут удовлетворены качеством выполнения той или иной роли [9].

История игровых технологий обучения начинается с магических обрядов древнего человека, ритуальных танцев охотников, моделирующих процесс охоты до ее начала, и выполнявших не только магические, но и учебные функции [2].

В процессе игровой деятельности в детском возрасте человек принимает на себя различные социальные роли, репетирует их, отрабатывает в различных ситуациях, что позволяет ему уже во взрослой жизни быстрее находить





решения проблемных ситуаций в семье, профессиональной деятельности, обществе.

Предшественником игровых форм организации обучения можно считать военные игры, зародившиеся в XVII в., например, «потешные полки» юного Петра I (1672 - 1725) и их военные забавы были репетицией маневров, ставших деловыми учебными играми в армии. Пётр одел и вооружил своё «потешное» войско, состоявшее из сверстников по мальчишеским играм. С 1682 г. у Московского кремлевского дворца была особая потешная площадка. С весны 1683 г. 11-летний Петр перенес воинские занятия в поле, и с этого времени прежняя игра в солдатики перешла в настоящее военно-практическое обучение.

Технологии игрового обучения включают ролевые, деловые, имитационные и организационно-деятельностные игры и т.д.

В качестве примера использования игровых технологий при повышении профессионализма военных кадров можно привести следующие формы:

- ролевые игры (служебное совещание, подведение итогов и т.д.);
- деловые игры (работа на командном пункте и т.д.);
- имитационные игры (военно-полевые учения, учения с боевыми стрельбами и т.д.);
- организационно-деятельностные игры (командно-штабные учения и т.д.).

Смешанные формы организации обучения, являясь синтезом дискуссионных и игровых форм, включают метод ХОБО, индивидуальный практикум, метод деловой поездки (выездной семинар), научно-исследовательскую работу, психогимнастические упражнения, метод разбора документов (метод «Баскетбольной корзины»), метод инцидента, метод «Лабиринта действий», метод анализа конкретных ситуаций (Гарвардский метод), метод «Кейс-стади» и т.д.





Комплексные формы организации обучения – это социально-психологические тренинги, среди которых наибольшее значение для преподавателя вуза имеют тренинг овладения профессией, тренинг уверенности в себе, тренинг развития коммуникативных и фасилитативных способностей, тренинг публичных выступлений, тренинг продуктивного разрешения конфликтов, тренинг формирования педагогических команд и т.д.

В последнее время в образовательном процессе вуза наряду с активными формами организации обучения, наиболее востребованными является *проектное обучение*, под которым мы понимаем совместную учебно-познавательную деятельность обучающихся, имеющую общую цель и направленную на достижение общего результата по решению какой-либо проблемы [3].

Проектное обучение способствует:

- повышению личной уверенности каждого участника проекта;
- формированию позитивного образа себя и других;
- умению работать в команде;
- развитию критического мышления и научно-исследовательских умений.

Одним из учебных проектов слушателей группы профессиональной переподготовки ВА ВКО является «Экскурсия в музей Военной академии воздушно-космической обороны имени маршала Советского Союза Г.К.Жукова и музей маршала Советского Союза Г.К. Жукова».

Результатом активного обучения является формирование у обучающихся познавательного интереса к профессиональной деятельности, самостоятельного творческого мышления, опыта практического решения профессиональных задач, способности гибко и своевременно реагировать на огромное количество изменений, происходящих в профессиональной деятельности, умения анализировать и решать возникающие проблемы, *ориентация на профессиональный успех (а не на избегание неудач)*, что, как





раз и является основой личностного роста и профессиональной самореализации.

Литература

1. Анохин П. К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем. - М.: Медицина, 1998. - 400 с.
2. Буланова-Топоркова М.В., Духавнева А.В., Столяренко Л.Д., Самыгин С. И., Сучков Г.В., Столяренко В.Е., Кулаковская Н.А. Педагогика и психология высшей школы. - Ростов н/Д: Феникс, 2002. - 544 с.
3. Бухаркина М. Ю. Разработка учебного проекта. - М.: ИОСО РАО, 2003. - 26 с.
4. Горбатова М. К., Назипова М. А. Методики преподавания в высшей школе. - Нижний Новгород: ННГУ, 2012. - 52 с.
5. Диденко И. В., Диденко А. А. Современный профессионализм: социально-психологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №2. С.3-8.
6. Драгомиров М. И. Избранные труды. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1956. - 690 с.
7. Драгомиров М. И. Офицерская памятка: мысли и афоризмы о военном деле. - СПб.: Военный книжный магазин Н.В. Васильева, 1892.
8. Жук А. И., Кошель Н. Н. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов. - Минск: Аверсэв, 2003. - 336 с.
9. Караяни А. Г. Активные методы социально-психологического обучения. - М.: СГУ, 2003. - 68 с.
10. Маркова А. К. Психология профессионализма. - М.: Знание, 1996. - 312 с.
11. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение. - М.: Академия, 2009. - 192 с.
12. Суворов А. С. Наука побеждать. - М.: Анкил-Воин, 1996. - 41 с.





**ACTIVE LEARNING TECHNOLOGIES AS A FACTOR
INCREASING THE PROFESSIONALISM OF GRADUATES
MILITARY UNIVERSITIES**

A. L. Sirotyuk, Yu. S. Duminike, A. S. Sirotyuk

(Tver, Russia)

About the authors:

Alla Sirotyuk, Professor, Doctor of Psychology; Institute of pedagogical education and social technologies of the Tver state University; e-mail: a.sirotyk@mail.ru

Yuri Duminice, Candidate of Psychology (PhD), associate Professor; head of Department of humanitarian and socio-economic disciplines Military Academy of aerospace defense named after G. K. Zhukov; e-mail: duminik@mail.ru

Anastasia Sirotyuk, Candidate of Psychology (PhD); associate Professor of Department of humanitarian and socio-economic disciplines Military Academy of aerospace defense named after G. K. Zhukov; e-mail: staska8769@mail.ru





Клейберг Ю. А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: «АЛЕФ», 2021. – 96 с.

Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). Монография. – СПб: Алетейя, 2021. – 136 с.

Клейберг Ю. А., Куами Дарти С. Ф. Политическая девиантология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю. А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании; АНО «Академия Национального образования и науки», 2021 - 160 с.

Методология современной психологии. Вып. 13 / Сб. под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. – 430 с.

Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография. – 2-е изд. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании, 2021. – 310 с.

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». – СПб, 2021. – 298 с.

Клейберг Ю. А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – 171 с.

Клейберг Ю. А., Тащёва А. И., Гриднева С. В., Арпентьева М.Р. Современная девиантология и девиантотерапия. Монография / Под ред. Ю.А.Клейберга и М.Р.Арпентьевой. – Канада, Торонто, Великобритания, Лондон: Издательско-литературное агентство «Альфасфера», Международная Ассоциация девиантологов, Академия Национального образования и науки, 2021. – 169 с.

Арпентьева М.Р., Гилинский Я.И., Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Храмцова Ф.И. Девиантологический нарратив XXI века: Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и общества. Коллективная монография; Материалы II-го Международного Конгресса девиантологов. 19-20 декабря 2020 г. / Под ред. профессора Ю.А.Клейберга. – Лондон-Тверь: Академия образования Великобритании, 2021. – 104 с.





ПРИГЛАШАЕМ ВСТУПИТЬ В ЧЛЕНЫ **МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕВИАНТОЛОГОВ**

ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЛЕНЫ

Для вступления в Международную Ассоциацию девиантологов необходимо направить по электронной почте (yury.kleyberg@yandex.ru) следующие отсканированные документы:

1. Заявление в произвольной форме на имя президента Ассоциации профессора Клейберга Ю.А., с просьбой о принятии в члены Ассоциации.

К заявлению должны прилагаться сканированные документы:

1. Анкета с фотографией.
2. Диплом о высшем образовании.
3. Диплом кандидата наук
4. Диплом доктора наук*
5. Аттестат доцента*
6. Аттестат профессора*
7. Документ о почетном звании*
8. Документ(ы) о принадлежности к другим академическим (научным) сообществам (по желанию)
9. Список научных трудов (за последние 3 года, **с указанием в конце списка в примечании общего количество трудов.** Списка заверяется подписью автора).
10. Скан паспорта (1 и 2 страница).
12. Фотография для размещения на веб-сайте Ассоциации (в электронном виде).





13. Другие документы по желанию (дипломы, награды и т.д.).
Примечание:

Документы, предусмотренные п.п. 3-7, предоставляются соискателем при наличии соответствующих ученой степени или звания.

Вступительный членский взнос (разовый) - 5 000 руб. Ежегодный членский взнос - 1000 руб.

Уплата взносов осуществляется после принятия решения комиссией Ассоциации о предоставлении соискателем полного пакета документов и их соответствии установленным требованиям. В адрес соискателя высылается квитанция с реквизитами по уплате членского (организационного) взноса.

Решение о приеме в члены Ассоциации осуществляется после уплаты соискателем членского взноса.





УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тверской области **07 октября 2020** года была зарегистрирована автономная некоммерческая организация развития образования и науки **«Академия Национального образования и науки» (АНОН). Основатель и президент Академии – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор Клейберг Юрий Александрович.**

Целью деятельности Академии является предоставление услуг в сфере развития образования и науки, направленной на сохранение, укрепление и развитие единства образовательного и научного пространства России:

а) изучение и анализ мировых достижений в области наук об образовании с целью их использования в национальных интересах Российской Федерации;

б) обобщение и распространение в Российской Федерации и за рубежом прогрессивного национального опыта развития образования и достижений в сфере наук об образовании;





в) участие в разработке, апробации и экспертизе новых образовательных технологий, средств и форм организации обучения и воспитания детей, и молодежи;

г) участие в разработке и реализации государственной образовательной политики, стратегических направлений, целей и программ развития национального образования, взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления в разработке и реализации образовательной политики;

д) взаимодействие с Российской академией наук, Российской академией образования, Международной академией образования, другими государственными и общественными академиями наук, научными сообществами, творческими союзами, российскими и зарубежными организациями, участвующими в образовательном процессе и проведении научных исследований;

е) осуществление повышения квалификации, постдипломного образования по программам магистратуры, аспирантуры и докторантуры с последующей защитой диссертаций.

Приглашаю всех желающих и неравнодушных ученых и практиков к активному сотрудничеству.

**Ю. А. Клейберг,
президент Академии Национального образования и науки,
профессор**





ТРЕБОВАНИЯ ВЫСШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЫ 2021 ГОДА

Требования ВМАК к подготовке научных статей для публикации в журналах полностью согласуется с требованиями ВАК Российской Федерации.

Структура научной статьи зависит от особенностей исследований и ее тематики. Для размещения труда в один из ВМАК-журналов, следует придерживаться следующей схемы:

УДК (система кодировки, позволяющая легко найти публикацию в любой базе, библиотеке)

Заголовок

Аннотация к работе

Ключевые слова

Основной текст (состоит из вводной части, данных о проводимых исследованиях, выводов)

Библиография (список используемой литературы)

Графический материал (при необходимости)

Сведения об авторе.

Согласно требованиям п.13 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», вступившим в силу в начале 2014 года, минимальное количество научных публикаций по теме диссертационного исследования зависит от его направления (шифра по паспорту специальностей).

С 01.02.2021 г. произошли изменения в требованиях по количеству ВАК-статей для защиты докторских диссертаций:

- для защиты научно-исследовательских работ по химическим, физико-математическим, биологическим наукам – 5 статей;
- для докторских диссертаций по аграрным, медицинским, техническим наукам – 3 статьи;





➤ для работ по общественным, экономическим и гуманитарным отраслям знаний – 2 статьи в журналах, включенных в базу Scopus, Web of Science.

Заголовок (заглавие). В этой части указывается полное ФИО автора(ов), название вуза/научного учреждения, где готовилась работа.

Аннотация

Основные структурные элементы аннотации – это:

- предмет исследования, тема, цель статьи;
- методология проведения работы;
- результаты экспериментов;
- область применения полученных результатов;
- выводы/заключение.

Аннотация представляет собой сжатое изложение сути материала. Ее допустимый объем до 600 слов. Если аннотация написана на 2-х языках, то первым располагается русский вариант, за ним следует английский.

Условные обозначения, сокращения употребляются очень редко, с обязательной расшифровкой после первого упоминания в тексте документа.

Ключевые слова. Указываются на двух языках – русском и английском. Задача автора – подобрать словосочетания, максимально точно отражающие предметную область документа. Ключевые слова/словосочетания разделяются запятой.

Рекомендуемое количество — от 5-12 слов. Они располагаются после аннотации в новой строке и разделяются «;». Английский набор следует после русского.

Графический материал. Наглядный материал (графики, схемы, диаграммы, рисунки и т.д.) – обязательное условие при написании научной статьи. Автор группирует материал в отдельных файлах, контролируя качество представленной информации. Количество графических изображений – не более 5.

Если изображение не является авторским, нужно указать источник, откуда оно взято.





Сведения об авторе. ФИО автора(ов) научной статьи, занимаемая должность, ученая степень, место работы указывается на двух языках – русский и английский и располагается в самом конце документа, после библиографического списка.

ФИО набирается строчными буквами, полужирным курсивом. Остальные данные — с новой строки, строчными буквами, курсивом. Выравниваются по левому краю.

Вводная часть. Методы решения выбранной научной задачи и новизна исследований на практике и в теории.

Данные о проводимых исследованиях

- Текст набирается в редакторе Microsoft Word.
- Используется шрифт Times New Roman, размер –14, интервал – 1,5.
- Допускаются параметры страницы: формат А4 с книжной ориентацией; размер полей: левое от 30 мм, правое от 10 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.
- Основной текст выравнивается по ширине листа, заголовок — по центру заглавными буквами и полужирным шрифтом. Выравнивается по центру листа.
- Сокращения и аббревиатуры расшифровываются при их первом упоминании.

Подробное описание исследований автора(ов), опирающееся на предыдущие эксперименты в указанной отрасли. Таблицы, графики, формулы допускаются в случаях невозможности описания процесса проведенных экспериментов в текстовой форме.

Теоретическая научная статья должна содержать основные положения и мысли соискателя для углубленного анализа.

Выводы, рекомендации. Указываются ответы на вопросы вводной части и демонстрируются подробные выводы насчет области исследования.

Библиография (литература). Список использованной литературы (библиография) – это обязательная структурная единица научной статьи. Автор(ы) указывает все работы, использованные при написании документа. Основная задача автора(ов) – использовать актуальные, современные





источники, так как пренебрежение этим правилом вызывает сомнение о целесообразности публикации статьи в соответствующем журнале.

- Источники разделяются по видам: законы и нормативные акты, научные статьи, монографии, материалы конференций. Их расположение в списке идет по юридической силе.

- Источники каждого вида располагаются в строго определенном порядке: по алфавиту, по фамилии автора, по названию сборника, альманаха, если автор не указан.

- Инициалы и фамилия всегда разделяются пробелом.

- Обязательна сквозная нумерация.

- Порядок расположения различных источников: российские издания, зарубежные, электронные.

Каждый источник из списка должен упоминаться и иметь ссылку в тексте статьи.

Согласно требованиям ГОСТ, литературные источники указываются в строгом алфавитном порядке.

✓ ***Ссылка*** представляет собой цифру в квадратных скобках. Цифра — это номер источника, который расположен в списке ссылок в конце работы. Пример: [5].

Иногда автор ссылается на конкретную страницу источника. Тогда ее номер проставляется в скобках через запятую. Пример: [5, с.36].

✓ ***Сноски*** обозначаются *.

На странице можно разместить не больше трех сносок.

Нумерация сносок (если больше одной) производится арабскими цифрами. Точка после цифры не ставится.

Текст сноски короткий и содержательный.

Ссылки и сноски размещаются сразу после выражений, которые они объясняют.





Контактные данные редакционной коллегии:

Главный редактор – Клейберг Юрий Александрович.

E-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Компьютерная вёрстка – Сухов Владимир Александрович.

ISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ

№ 3 (7), 2021 (online)

На обложке фото – г. Калязин, Тверская обл. Вознесенская Церковь.

Издательство

АНО «Академия Национального образования и науки»

Формат 70x108/16. Тираж 500 экз.

Уч.-изд. л. 3,57; усл. п.л. 5,75.

Подписано в печать: 09.09.2021.

Выход в свет: 19.09.2021.

Заказ № 21

Цена договорная

